

Сияние карамельных звезд

Книга первая

*Авторы - Олень и Кот,
съевши бутерброд,
вставив музыку в дисковод,
подождавши восход,
открыли word,
написали вот это вот.*

Под потолком, в стеклянных плафонах, раскачивались десятки хрупких омамори¹ в такт маленьким серебряным колокольчикам, под которыми сидела задумчивая Риока.

Больше всего на свете Риока любила солнечные ветреные дни, когда ее маленькая хиженька мягко шелестела и позвякивала всеми своими жилками, и свой древний пыльный восточный ковер.

Пожалуй, это далеко не все, что любила Риока. Например, в ее книжном стеллаже было полно мрачных мистических книг о самых разных чудовищах и просто жуткие повести. Риока любила По². А По любил дерево ее заставленных рыночными безделушками полок.

Еще Риока любила сливочный чай и важничать. Важничала и пила чай она постоянно, а потому была совершенно счастлива.

Разламывающейся вафлей хрустели ветви деревьев в саду Риоки. Этот звук - предвестник холодов. Все окрестные ведьмы знают это, а потому крепче кутаются в свои шали и водружают на голову свои зимние шерстяные шляпы вместо обычных, фетровых, холщевых и даже шелковых у некоторых модниц. И только Риоке, древней хранительнице тайн местных духов, холод был нипочем. Огромные окна ее домика были раскрыты навстречу всем непогодам круглый год.

Дело в том, что это было совершенно необходимо. Местные лесные духи - ужасно забывчивые и рассеянные. Если бы они не слышали каждый день шелест и звон из хижины Риоки, давно бы покинули эти места в поиске ветреной мелодии, вообразив себе, что они потерялись, и эти края - не их дом. А лес, оставленный духами, можно считать пропавшим.

Риока до крайности поэтична, а потому почти каждый день слагала песни. И только избранным доводилось хоть раз в жизни увидеть эти прекрасные и печальные строки...

¹ Омамори - японский амулет, посвященный определённому синтоистскому или буддийскому божеству.

² Эдгар Аллан По – американский писатель и поэт, представитель готической литературы.

Из песни хранительницы лесных духов:

В моей хижине горят огни. Я возвращаюсь домой. Сквозь густую зелень лесов и желтые моря пологих холмов несу я свое знамя. От ветра трепещет ткань полотна. Века соткали его для меня.

Я выхожу сегодня смотреть в даль. Я выходила вчера смотреть в даль. Я выйду завтра смотреть в даль.

Кто позаботится о мертвых, когда я к ним присоединюсь? Они - мои дети. Я смеюсь вместе с ними и плачу. И снова выхожу смотреть в даль.

Одна из моих сестер покинула меня. Я несу свое знамя в надежде, что она увидит его, что она развернется и растеряно поведет глазами.

Я выхожу сегодня смотреть в даль, пока в хижине горит огонь, пока шуршат омамори, пока духи населяют этот мир.

Я выйду завтра снова. И выйду потом. Ведь века соткали для меня это знамя, и я несу его сквозь зелень лесов и желтые моря пологих холмов.

Я знаю о твоей любви, немая сестра. Я чувствую твой глухой трепет в лунные ночи. Но ее нет среди моих детей, я не смогу позаботиться о ней. Я могу лишь смотреть в даль.

Все вы станете моими детьми. Мои создатели стали моими детьми.

О, как бы и я хотела быть ребенком. Мои непослушные добрые духи. Как бы и я хотела быть ребенком.

Прекрасная отравительница, ты позаботилась о других матерях, ты подарила им множество детей. Но не все матери могут защитить стольких чад. Теперь и на твоём сердце забота. Забота о хрупком, об улетающем каждую туманную ночь.

Матери наказали тебя томлением, прекрасная отравительница.

Матери наказали тебя твоим же оружием.

Я слышу твою флейту, она разорвала бы сердце каждому, кто понимал бы скрытый в ней рассказ.

Ты несешь свое бремя, а я несу в руках знамя. Древко его тяжело.

О, как бы и я хотела быть ребенком.

Навеки исчезнувшая, ты не стала моей дочерью. Мир, где ты есть, страшен и темен. Посмотри, бедная, как красива эта зелень лесов, как густы желтые моря пологих холмов.

Я выхожу смотреть в даль, и никогда не увижу тебя, навеки исчезнувшая, навеки заковавшая себя в своих страданиях.

У тебя никогда не будет матери. А мне никогда не стать дочерью. Ты несешь тяжелую тень сердца, а я несу знамя.

Твоя любовь - мой сын уже многие века. И его сыновья - мои сыновья. И его любовь - моя дочь.

О, навеки исчезнувшая, как они веселы, как отчаянна ты. Твой дворец - липкий сумрак, твой воздух - сжатый яд, не стать тебе моей дочерью.

Я возвращаюсь домой, ведь в моей хижине горят огни. Я возвращаюсь домой, ведь завтра я выхожу смотреть в даль...

Глава 1

В поисках мышей и смысла

Нервно прохаживаясь по дорожкам маленького заросшего сада, и заложив за спину руки, миниатюрная рыжая барышня морщила свой острый с горбинкой нос и то и дело произносила: «Нет, ну это черт знает, что такое!». Но вряд ли черт знал, что это такое, зато во всех делах был хорошо осведомлен грозный и толстый, словно бочка, филин с такими пушистыми бровями, что под ними сложно было распознать оранжевые огоньки глаз.

Притаившись в кроне столетнего дуба, он внимательно следил за возмущением хозяйки сада. От гнева платье на ней вздувалось волнами, а вышитые на гольфах зайцы испуганно прятались за свои большие ушки.

На дворе стоял жаркий, догорающий пурпурными закатами, август. А это означало лишь одно, со дня на день должен начаться шабаш.

Шабаш – очень древний и уважаемый всеми жительницами Ведьмовской пущи праздник. Как правило, к нему готовятся за несколько недель. Собирают последний урожай, лезут в погреба, доставая оттуда, и откупоривая лучшие ягодные нектары, пекут лунные пироги (это самые вкусные пироги на всем белом свете, а рецепт вы непременно узнаете в одной из следующих глав от самой талантливой по части стряпни ведьмы). Ищут, наконец, подходящую поляну, наиболее ярко освещенную по ночам луной и звездами. Рвут прекрасные физалисы, наполняя их с помощью очень ловкой магии мягким красноватым сиянием, словно в плафоны вкручивают лампочки, чтобы повесить их, зацепив за ветви деревьев над поляной. И, конечно, какой шабаш без игр! Придумать вечернюю программу – самое главное из приготовлений.

Как раз это главное и беспокоило носительницу непослушной кудрявой копны волос и вздорного характера – Ию. Блеснув на филина сначала своим левым глазом – зеленым, а затем правым – карим, Ия громко к нему обратилась:

— Аристотель, ты что-нибудь слышал?

Филин важно приподнял брови и тягуче проговорил:

— Что-нибудь я непременно слышал, иначе зачем мне уши?

— Так расскажи же, что ты знаешь об этом. Куда они все запропалились на кануне шабаша?

— Ия, если бы я знал, куда подевались все мыши в округе, я бы не сидел сейчас в твоём саду.

— Это безобразие! Первый год, когда меня, наконец, допустили к подготовке шабаша, дали такое ответственное задание, а я не могу наловить и дюжины мышей. К нам слетится

столько гостей, и чем мы их будем развлекать? Мышиные бега – древнейшая традиция. Какой приличный шабаш обходится без них?

— Почему бы тебе не сбегать к Филомеле в трактир и не узнать, что она обо всем этом думает?

— Куда там! Если она узнает, что я провалила ее задание, то ближе, чем за километр, меня не подпустит. Я и так порчу им каждый год праздник.

— Что ж, я, конечно, могу полетать с другими филинами, поискать мышей, но боюсь, если мы что-то найдем, вряд ли доставим их к тебе, скажем так, в готовом для бегов виде, - взгляд Аристотеля хищно изменился.

— Ну уж нет! Я сама разберусь с этим. Иначе мы и правда останемся без мышей на шабаш! – Ия схватила свою выгоревшую на солнце остроконечную шляпу, и шурша сухой травой, заполонившей весь ее тесный сад, убежала прочь.

Из квадратных окошек трактира «Тыквенная голова», стоящем уже многие годы в самом сердце Лиловой Рощи, ярко горел свет. Еще не заходя внутрь, можно было понять, что там происходит полная неразбериха. То и дело из домика доносился глухой стук деревянной посуды, слышались возмущенные голоса и топот коротких каблучков.

Трактир представлял собой двухэтажный старый дом с открытой верандой, на которой в теплые времена года сидят гости, большим залом, где почти всю осень и зиму горит пламя в камине, темной кухонькой, подвалом с припасами и спальней хозяйки в мезонине наверху. Весь окруженный лиловой листвой стоит этот домик уже многие сотни лет, всегда держа свои двери открытыми для всех проголодавшихся или уставших путников.

В трактире всем заправляла Филомела. Это была красивая и очень серьезная ведьма. Она была не по годам мудра и знала наизусть рецепты огромного множества зелий.

Если ваш сад замучили жуки, то Филомела с радостью поделится маленьким, плотно закупоренным пузырьком с крепко пахнущей хвоей густой жидкостью внутри. А если которую ночь подряд вам снится, что вы падаете со стула или с дерева, или просто спотыкаетесь о несуществующий порог и, вздрагивая, просыпаетесь, Филомела быстренько спустится в свой теплый сухой погреб и вынесет оттуда флакончик с мягким бледно-желтым сиянием и надписью на наклейке: «От всяческих падений», а чуть ниже маленькими буквами – приписка: «Даже от нравственных».

В общем, почти все в Ведьмовской пуще знали Филомелу, уважали и очень любили.

Ия прибежала к трактиру как раз в тот момент, когда хозяйка вышла на веранду, завязывая на себе длинный фартук. Она, как всегда, была в своем любимом длинном платье цвета жаренного каштана, из-под которого выглядывала грубая кожаная обувь.

— Ах, это опять ты! Клянусь всеми вурдалаками на свете, внутрь тебя не пущу. Ты снова учинишь скандал. Расскажи лучше, как там продвигается дело?

Ия спрятала руки за спину, как частенько любила делать, и совершенно невинно соврала:

— Все в полном порядке. Мыши припрятаны у меня в сарае. И я вовсе не к вам. Я вообще пришла поиграть с Вулпекулой! Где она, кстати?

Филомела озабоченно поглядела по сторонам и сказала:

— Я не видела ее уже несколько дней. Может, наша суматоха ее разозлила? Если найдешь малышку, дай мне знать. Я волнуюсь. Сородичи к ней агрессивны.

Дверь в трактир на мгновение открылась, и гул голосов стал громче. Филомела зашла внутрь. Ия вздохнула, поправила съехавшую от бега шляпу и побрела по Роще в поисках Вулпекулы.

«Ах, как хорошо сейчас было бы сидеть на высоком табурете у барной стойки, болтать в разные стороны ногами и смотреть, как ведьмы носятся туда-сюда с подносами, доверху заполненными ароматным печеньем, вырезают связки остроносых фигурок из цветной бумаги, колдуют над бутонами, едва касаясь длинными ногтями тонкой кожицы физалисов, или как старая ведунья Амаранта в общей суе прихватила под свою изъеденную молью мантию бутыл с бальзамом из протертой бузины» - так думала Ия, пиная попадающиеся под ноги лиловые камешки, пока не услышала странный звук...

В зарослях лилового орешника, в который Филомела иногда приходила за фундуком, кто-то зашевелился. Ия всплеснула руками и побежала на шелест, думая, что наконец-то нашла Вулпекулу. Но спустя мгновение она в ужасе отскочила назад. Лицо ее побледнело, а чуткие зайчики предпочли спрятаться на изнанку гольф.

Сначала показались длинные рога. Ия сделала еще пару шагов назад и поняла, что уперлась во что-то твердое, но смелости повернуться спиной к существу, медленно выплывающему из-за кустарника, и посмотреть, что это, у нее не хватило.

За рогами на поляне появилась совсем юная ведьма, четыре стройные оленьи ножки которой тихо ступали по влажной траве. Два любопытных изумрудных глаза уставили на Ию.

От удивления и страха Ия не могла произнести ни слова, но она продолжала смотреть в упор на неизвестное существо. И только сейчас заметила, что тонкие раскидистые рожки были увиты золотой цепью, сверкающей на солнце ослепительными вспышками.

— Как красиво, - прошептала напуганная ведьма, закрыла глаза, обмякла и через мгновение уже лежала без чувств.

Последнее, что она запомнила, был яркий взрыв солнечного света.

Очнулась Ия, услышав странный запах. Сложно сказать, что он собой представлял. Пахло будто бы надвигающейся грозой и йодом штормящего моря. Ие казалось, что этот запах – в ней самой, где-то под сердцем.

Это был запах тревоги.

Ия увидела склонившуюся над ней лань.

— Не хотеть пугать, - неразборчиво вымолвила она. – Сказать. Зверь. Беда.

— Ты хочешь сказать, что видела зверя, которому нужна помощь? – преодолевая всеми силами волнение и нарастающую в ней тревогу, ответила Ия.

Лань кивнула и сверкнув изумрудом своих глаз, в которых рыжая ведьмочка разглядела свое бледное личико, ловко, почти одними прыжками, скрылась в орешнике. Ия на еще дрожащих ногах последовала за ней.

— Быстрей. Успее, - молвила лань Ие. Ведьма поняла ее и постаралась ускориться, продираясь сквозь чащу.

Вулпекула, белая длиннохвостая лисица, жалобно скулила и постоянно поднимала вверх головку, принюхиваясь. Она пыталась почувствовать сородичей. Вернее, их приближение, чтобы успеть скрыться. Уставшая и загнанная долгим побегом от них, она рыскала по кустам и спускалась ко рву, заполненному водой. Нюхала воду, пахнущую тиной, и снова отбегала ото рва. Она была встревожена, напугана и совсем выбилась из сил.

Воздух резко запахла лисами. Вулпекула, почувствовав, что ее борьба подошла к концу, легла у корней толстого дерева и тяжело задышала. К ней со всех сторон выскочили белые, словно только что выпавший снег, лисы и злобно зарычали, скаля зубы. Дикая стая подкрадывалась к бедняжке, замыкая ее в круг.

Самый крупный лис, очевидно вожак, первый рванул на жертву, собираясь растерзать ее. Вулпекула уже закрыла глаза, как...БАХ!

Земля под ней затряслась. Лисичке показалось, что ударил гром. Не успела она поднять голову, как лисы, еще секунду назад ее окружавшие и готовые съесть, разбегались в страшной суматохе по кустам.

Очерчивая вокруг дерева, под которым лежала Вулпекула, грозное кольцо и стуча копытцами сильных ног скакала высокая статная лань, распугивая хищников. Цепи на ветвистых рогах оглушающе звенели. От каждого мощного прыжка, которым лань пыталась наступить на хвосты нападающих, содрогалась земля. Топот ее копыт звучал благородно и гулко, разносясь по поляне. За ней красная от злости Ия стучала ногами и угрожающе размахивала руками.

— Я вам покажу, каково это, стаей на одного! – кричала она, но в этом уже не было смысла. Лисы позорно скрылись из виду.

Вулпекула, еле живая от страха, лизнула горячую щеку знакомой ведьмочки и благодарно мотнула длинным хвостом. К Филомеле она возвращалась уже на руках Ии, слишком обессиленным оказалось животное.

Лань исчезла, как только они добрались до орешника, Ия даже не успела сказать ей «спасибо».

В трактире мало, что изменилось за время отсутствия Ии. В нем по-прежнему кипела работа. Разве что зажгли больше огней, ведь на лес уже медленно опускались влажные синие сумерки.

Устроив лисицу возле камина в кресле, и накормив ее любимым лакомством - яблочными кубиками, Филомела и другие ведьмы стали расспрашивать Ию о том, что произошло.

Ведьмочка поведала историю счастливого спасения неохотно, пропуская подробности, которые так поразили ее. Она чувствовала, что произошедшее было ее личным, теплым и мягким, как нагретый зефир, кусочком тайны. Ей не хотелось говорить этим охотливым до слухов и интересных историй колдуньям, как понравилась ей лань, как строен был ее стан и хладнокровен взгляд пронзительно зеленых глаз, когда она отгоняла голодных лисов от бедной Вулпекулы. Не хотелось говорить о запахе тревоги, который она только теперь объяснила себе, не хотелось говорить о возбуждении, охватившем ее крохотное сердце в погоне за ланью в лесной чаще. Сегодня с ней произошло по-настоящему сильное и странное приключение, которое было только ее.

«Пускай найдут себе свои приключения, - думала ведьма с непослушными кудрявыми волосами, в которых запутались листья, - а мои останутся при мне, вот здесь» - она коснулась пальчиками своих ребер, там, где трепыхалось взволнованное сердце.

Ию напоили горячим сиропом, дали самое вкусное печенье и разрешили остаться в трактире до глубокой ночи, где она, как и хотела, болтала ногами на табурете, глазела по сторонам, пока не уснула, спрятавшись за барной стойкой.

Сквозь сон она слышала бормотание старой Амаранты.

— Зря вы смеетесь и качаете головами. Девчушка не врет. Вестницы беды – древние и могучие старожилы этого леса. Когда-то они были такими же ведьмами, как мы с вами, пока злой колдун не проклял Ведьмовскую пушу, лишив ворожей речи, заветных мечтаний, фантазий, обычных радостей и способности любить. Им доступно только одно чувство – ощущение близкой беды. Беды в подлунном мире – явление слишком частое, а потому бедняжки ужасно страдают, ведь они даже не могут помечтать о другой жизни. Я слышала много легенд об этих созданиях. Моя прабабка рассказывала мне их на ночь, пока не превратилась в лягушку и не убежала жить в болото. За вестницами беды всегда тянется шлейф тревоги. Обычные люди могут даже сойти с ума, если им не повезет столкнуться с нею. Одиноким скитающиеся по лесу создания...

Ия также слышала скептические возгласы ведьм и их смешки, и намеки по поводу пропавшей бутылки бузинного бальзама. И лишь одна Филомела сидела рядом с пушистым белым зверьком, и прозрачные слезы падали ей на фартук.

Ия проснулась от шороха.

По трактиру больше никто не носился. В камине тлели поленья. Было темно и густо от серого тумана, который по ночам заволакивает помещения, где готовится еда.

Шуршало что-то в углу. В деревянном полу трактира зияла черная дыра. И прямо из нее на ведьмочку смотрели десятки крохотных блестящих глаз.

— Вот вы где! Пришли пожить свежим печеньем!

Ия рванулась с места, схватила своей ладошкой дюжину хвостиков и подняла добычу в воздух.

— Нет, теперь вы точно не убежите. По крайней мере, до шабаша вы – мои.

Остальные мыши шмыгнули в дырку обратно, а Ия, сломя голову, помчалась домой.

В ночном лесу было темно, холодно и страшно, но только не ей. Теперь ведьма знала, что по праву станет участницей великого торжества!

Глава 2

Легенда о Лиловой Роще

День накануне шабаша выдался непогожим. Пасмурное небо, сплошь усеянное свинцовыми тучами, было тяжело и мрачно. То и дело на лес набегал порывистый ветер, разбрасывая по ведьмовским огородам их садовые снасти и опрокидывая бочки с водой. Ели беспокойно качали своими упругими верхушками и пели странные ветряные песни. Казалось, что вот-вот на лес стеной обрушится оглушительный ливень. На окраинах уже гремел звериным рычанием гром. Гнетущая тьма, заволокшая небо, навевала неподдельное чувство тревоги.

Надо быть сумасшедшим, чтобы выйти в такую погоду из дома – так рассуждали ведьмы, закрывая ставни на окошках своих хижин и прячась в глубоких креслах со своими кошками. А те ведьмы, которых наступающая гроза застала в дороге, как можно скорее спешили в «Тыквенную голову», ведь трактир стоял в самом сердце Пущи, и добраться до него было быстрее, чем до собственного дома.

Таких ведьм оказалось много, потому главный зал заведения Филомелы был полон. В камине пылал огонь, освещая всю комнату светом и теплом. Трактир превратился в корабль, что реет по вздымающимся волнами бушующей стихии за окном.

Филомела стояла за барной стойкой и варила горячий кофе-брюле, наполняя по мере готовности одну чашку за другой, и вручая их встревоженным грозой ведьмам. Кофе Филомела варила волшебным вкусом. Весь трактир, казалось, пропах жженым сахаром, гвоздикой, цедрой апельсина и еще каким-то терпким и очень заманчивым ароматом.

В ногах у нее крутилась довольная Вулпекула, щекоча своим пушистым длинным хвостом лодыжки Филы и выпрашивая тем самым яблочные дольки.

Деревья за окном неистовствовали от ветра, на стеклах стали появляться первые капли дождя.

— Я принесу сверху подушки и одеяла, чтобы мы все могли сесть у огня. Я думаю, нет никакой надобности гнуть спины за столиками. Мы могли бы, как и раньше, рассказывать друг другу интересные истории, - объявила всем хозяйка, выставив поднос с печеньем на стойку, и поднялась наверх.

Рассевшись у камина, ведьмы тихо переговаривались. У некоторых из них ярко светились свисающие с кончика шляп фиолетовые звезды. Это была простая повседневная магия. Заколдовывая таким образом свои головные уборы, ведьмы всегда были предупреждены о наступающем дожде.

— Роща так потемнела из-за грозы, что теперь и не скажешь, что она лиловая. Стала совершенно черной, - задумчиво произнесла алая ведьма Нарцисса.

— Это не из-за грозы, - сурово отрезала старая колдунья Алва, мрачно глядевшая впереди себя, - могущественное колдовство всегда оставляет злые следы.

Все удивленно взглянули на Алву. Нарцисса хмыкнула.

— Ну, и что же ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что гроза показывает истинный облик многих вещей.

— По-твоему, наша Лиловая Роща на самом деле такая страшная и черная? – испугано спросила юная ведьмочка, прижавшись к соседке.

— Лиловая Роща никогда не была нашей, милая. Эта земля всегда будет принадлежать своей настоящей хозяйке, об этом и говорят все странности, происходящие здесь.

— О, Алва, как же ты любишь говорить загадками! – не выдержала алая ведьма. – Захотелось попугать малышей сказками о злом древнем колдовстве?

Алва, наконец, подняла глаза и так пронзительно посмотрела на Нарциссу, что та мгновенно замолчала и отсела подальше от всех.

В комнате повисла тишина, нарушить которую решила все та же маленькая ведьмочка.

— Алва, расскажи, пожалуйста, что ты знаешь о Лиловой Роще. Нам никогда не рассказывали, почему она такая, а мы и не спрашивали, принимали, как должное.

Старая колдунья, отпила еще немного кофе-брюле из кружки, облокотилась на мягкие подушки, чуть прикрыла глаза и стала тихо-тихо рассказывать:

— Никто из ныне живущих ведьм толком не знает, почему роща, в которую мы наведываемся почти каждый день со всех уголков Ведьмовской пущи, действительно лилового цвета. Лиловые травы, хвойные и лиственные невысокие деревца, и даже белесая полынь, которая в ваших огородах имеет зеленый цвет, здесь – ярко сиреневая. Но это разве главная особенность Рощи? Все мы знаем, что Роща кишит дикими белыми лисами. Вы хоть раз видели их вырытые норы? Знаете, где они обитают? Нет. Никто не знает, откуда они пришли сюда, и как живут. Одну из них все-таки удалось приручить умнице Филомеле, которая каждый день выносила на веранду миски с яблочными кубиками. Старые ведьмы, которых уж больше нет в этом лесу, говорили мне, что причиной лилового цвета и редких животных – древняя и печальная история.

На этих словах за окном сверкнула ослепительно белая молния, громко бухнул гром. Кто-то вздрогнул от неожиданности. Но Алва продолжала:

— Давным-давно, многие сотни лет назад, в том месте, где сейчас стоит и процветает «Тыквенная голова» жила очень могущественная ведьма, совершенно неземной красоты. Волосы ее лились лиловыми реками по белоснежным плечам, а глаза были подобны лунным камням, перламутровые и чуть подернутые бледным туманом, что скрывал в своих недрах синее пламя. Имя ей было Ануваара.

Недалеко от ведьмовских земель жили люди. Они строили деревни, воздвигали города с церквями и звонящими в них колоколами. Для строительства им требовалось много древесины, а потому восточная часть леса подверглась жестокой вырубке.

Могущественная ведьма не могла смириться с плачем леса о потерянных братьях и навевалась на лесопилку, сводя с ума трудящихся в ней дровосеков. Не многие возвращались к своим семьям. А те, кому удалось вернуться, никогда не рассказывали, что с ними произошло. Так о лесопилке родились недобрые сказания, и все больше крестьян отказывалось рубить деревья. Но дома людям были необходимы. Скоро наступали холода, а многие семьи оставались без крова. Плакали матери и дети, а мужчины наотрез отказывались идти в лес. Не в силах смотреть на страдания земляков, один храбрый юноша, чей отец сгинул в лесной чаще под чарами Ануваары, взял топор и ушел рубить деревья, чтобы построить дома бедным вдовам и детям.

Придя в восточную часть леса, где лежали брошенные хозяевами инструменты и жестяные кружки, из которых уставшие лесорубы пили воду, юноша по имени Галахад принялся стучать топором по дереву.

Ануваара вновь услышала стон леса. Удивило ее, что кто-то отважился вернуться. Спряталась прекрасная колдунья за деревом и стала наблюдать.

Галахад был крепким и сильным юношей. Он трудился без усталости, и дерево легко ему поддавалось. Золотые локоны его были ярко освещены полуденным солнцем.

Разгневанная вторжением в лес, Ануваара расплела свои лиловые длинные косы и раскинула их по ветру. Юноша увидел красавицу и, завороченный, не смог отвести глаз. Ануваара манила его пальцем. Он уже собирался бросить свою работу и пойти за дивной пленительной нимфой вглубь леса, как вдруг топор выскользнул из рук Галахада и упал рядом, ударив тупым концом его по ноге. Галахад очнулся ото сна, в котором он как будто бы только что пребывал. Он понял, что его пытались свести с ума так же, как и других дровосеков. Сердце юноши было невинно, а помыслы чисты, поэтому колдовство ведьмы не подействовало на него так, как на других жертв Ануваары, на чьих душах уже стояли печати недобрых мыслей и деяний.

Прекрасная Ануваара впервые встретила такую чистую душу, а потому серебряные слезы покатались из лунных глаз ее. Юноша удивился, увидев слезы той, что сгубила столько его земляков. Но вспомнив об отце, которого он так любил, Галахад схватил топор и стал прогонять ведьму.

— Уходи, колдунья! Я знаю, что у тебя на уме. Ты не опутаешь меня своими чарами. Я буду вновь и вновь приходить в этот лес и рубить деревья для своего народа!

Величественная Ануваара, что хранила этот лес и множество магических тайн, что царствовала на этих землях тысячи лет, вдруг почувствовала странный трепет своего сердца. Взглянув еще раз на храброго юношу, который не побоялся ее силы, обратившись сиреневым ветром, умчалась она в дремучую чашу.

Каждый день она теперь слышала плач леса, и каждый день возвращалась к лесопильне, прячась за деревьями, и наблюдая за юношей. Она вдруг поняла, что приходит сюда не из-за гнева, а потому что ей хотелось вновь и вновь видеть Галахада. Когда он работал в поте лица от рассвета до заката, сердце ее бешено билось.

Иногда в послеобеденное время юноша спускался к ручью. Набирал прозрачную холодную воду и жадно пил. Ануваара и тогда смотрела за ним. Она видела, как он устает и выдыхается после тяжелой рубки древесины для своих земляков. Ее сердце сжималось от жалости в эти моменты.

Однажды, когда Галахад снова пошел к ручью, Ануваара обратилась персиковым деревом. Галахад стал наполнять жестяную кружку водой и вдруг увидел в отражении нежно-розовые спелые плоды. Забыв о воде, он стал рассматривать стройное персиковое деревце, что выросло здесь за одну ночь, ведь еще вчера его не было.

Вид покрытых пушком нежных плодов возбуждал в юноше жгучий аппетит. Потому как уходя в лес, юноша не брал с собой никаких припасов: деревня мучилась от голода, и свою еду Галахад отдавал старикам, женщинам и детям.

Он ел эти сочные плоды, и сок тек по его натруженным рукам. Никогда в жизни он еще не пробовал таких сладких персиков. Утолив голод, Галахад собрал фрукты и для детишек, что жили в деревне. И до ночи проработав, унес из леса любовь прекрасной колдуньи в руках.

Шло время, лето подходило к концу, а Галахад по-прежнему трудился. С рассветом он приезжал на телеге, запряженной одной лошадью, работал до начала полуденного жара, потом пил воду из лесного родника, питался ягодами, что стал теперь всегда находить неподалеку, и засыпал на час в прохладной тени. А прекрасная нимфа Ануваара обращалась птицей и пела для него тихо и красиво, сидя на дереве, совсем рядом со спящим юношей. Он слушал эти песни, с

радостью под них засыпал, и когда просыпался, был счастлив, что крохотная птичка не улетала и продолжала радовать его своим голоском во время тяжелого труда.

Тем временем Ануваара ужасно томилась от не излитой любви. Галахад так завладел ее сердцем, совершенно этого не зная, что однажды она не выдержала и забыв об осторожности, приблизилась в своем истинном обличье к нему, пока он отдыхал на мягких еловых ветвях с закрытыми глазами.

Колдунья, никогда не знавшая любви, и теперь мучимая этим глубоким горячим чувством и нежностью, склонилась над ним. Ее роскошные лиловые волосы – все в блеске августовского солнца – ниспали с мраморных плеч на его мирно вздымающуюся в крестьянской рубашке грудь. Почувствовав щекотание, он спросонья открыл глаза. Это был детский прозрачный, словно озеро, взгляд. Спустя мгновение он стал источать злость. Галахад вскочил в поиске топора и тяжело дыша.

— Добралась до меня все-таки? Что тебе нужно?

— Твой топор остался на лесопильне, - проговорила Ануваара, и он впервые услышал ее глубокий мелодичный голос. Ему даже показались в нем какие-то знакомые нотки.

— Что ж, значит я безоружен, и теперь ты убьешь меня?

Ануваара удивилась его вопросу. Ведь за эти месяцы она совсем забыла, что делала раньше с чужаками в лесу. И вообще ей казалось странным, что он не знает о любви, когда ее сердце так сильно источает это чувство.

— Почему ты молчишь? Или это твой способ свести меня с ума? Опутываешь меня своим коварным колдовством?

Ануваара, словно обычная девушка, а не могущественная ведьма, растеряно смотрела на Галахада. Ей казалось, что сейчас их сердца наконец-то соединятся, но она жестоко ошибалась.

— Я знаю твою природу, ведьма! Ты – само зло. Ты убиваешь ни в чем неповинных людей и наслаждаешься этим. В тебе нет милосердия, нет сострадания, нет чувств. Ты – хитрая и злая иллюзия.

— Прекрасный Галахад, почему ты говоришь мне эти слова? Разве ты ничего не заметил? Я люблю тебя, Галахад. За тысячу лет я никогда не видела такого доброго сердца, что бьется в твоей груди. У людей всегда много плохих помыслов. Зависть, скупость, жестокость, лживость, самолюбование – все это я прочитала в душах твоих сородичей. Они были грязны и мелочны. Но ты, Галахад, не стоишь даже рядом с ними. Мое сердце отныне и навеки твое, - вдруг Ануваара прижала две белые ладони к груди и с силой вырвала из себя трепещущий комочек света.

Бережно держа его в руках, она протянула их к возлюбленному. Юноша посмотрел в ладони ведьмы и с ужасом и отвращением проговорил:

— Неужели ты думаешь, что я полюблю такую, как ты? Ты убила моего отца и отцов бедных детей, что брошены теперь на произвол судьбы. Ты – ведьма, – страшно закричал он, – и твоя дорога в костер!

На этих словах он вскинул руку, чтобы показать, что отказывается от ее сердца, но не заметил, как выбил из ладоней Ануваары самое дорогое, что она решила ему отдать. На мгновение испугавшись своего нечаянного поступка, он виновато посмотрел на ведьму, но скоро оправился и молвил:

— Я полюблю лишь чистую простую девушку с доброй и верной душой.

Это были его последние слова, сказанные Анувааре. Он сдержал их и действительно через несколько дней женился на дочери деревенского кузнеца.

Ануваара навсегда потеряла свое сердце, ведь вырвав его из груди однажды, обратно вернуть невозможно.

Ведьма плакала день и ночь, пока слезы ее не обратились прекрасными белыми лисами.

Навсегда лишившись покоя, она, забыв об осторожности, пришла на свадьбу своего возлюбленного и долго стояла позади всех на церковной площади, скрывая под капюшоном плаща свои дивные лиловые волосы. Деревенский ребенок заметил выпавшую прядь, и удивившись необычному цвету, закричал во все горло: «Ведьма! Ведьма! Здесь ведьма!». Ануваара в неисчерпаемом горе и страхе бежала от накинувшихся на нее людей в лес.

Призраком скиталась Ануваара по своей земле, роняя слезы, оборачивающихся лисами, пока однажды не обнаружила, что место, куда упало ее сердце, медленно становится лиловым. Земля, трава, кустарники, деревья – все приобретало сиреневый оттенок, точь в точь ее волосы. И чем больше земли покрывалось лиловыми излияниями ее сердца, тем бледнее становилась она сама.

И вот однажды ночью, когда она узнала о рождении сына Галахада, она вернулась к месту падения своего сердца и проговорила древнее, очень могущественное и страшное заклинание, окрасив собой целую густую рощу и навеки исчезнув.

Алва замолчала. У ведьм, внимательно слушавших ее рассказ, в глазах стояли слезы. Но вдруг тишину нарушила Нарцисса.

— Спасибо, – тихо проговорила она старухе-рассказчице и отвернулась от остальных, скрывая упавшую слезу.

— Да, лисы и правда красивы и белы, словно снег. Но суть у них, как и чудного цвета Роши, ужасная, а потому иногда, в такие дождливые дни, как сегодня, она выходит наружу, - добавила Алва и обратилась к Филомеле, - дорогуша, кофе совсем остыл, навари-ка горяченького, да и сладких бисквитов бы сделать, ишь, какие у вас лица смурные у всех. То же мне, послушали глупую старую ведьму. Сказки это все, да и только! Вон, смотрите, дождь почти закончился, и небо рассеялось. Пора обедать!

Ведьмы загалдели, стали вставать с подушек и относить их наверх, а Филомела бросилась готовить. Вулпекула на этот раз не стала клянчить яблоки. Она выбежала на веранду и долго обнюхивала мокрое дерево крыльца, пока не нашла сухое местечко, где можно лечь.

В трактир ворвался свежий острый запах сырой хвои и чего-то непередаваемо удивительного. Алва знала, так пахнут легенды.

Глава 3

Сияние карамельных звезд

*Глава о ведьме, которая появилась и тут же исчезла, чтобы однажды появиться
вновь*

Воздух мерцал мириадами серебряных пылинок, а на стенах лежали мягкие, словно земляничный джем, розовые тени. Наступало чудное время заката. Жители Пуци прощались с уходящим днем, пили теплое молоко с корицей, чтобы лучше спалось, и залезали под лоскутные одеяла. Сонные звери передвигались медленно и лениво. И лишь для одного создания алое зарево в небе означало пробуждение жизни - для серебровласой ведьмы Селены.

Селена жила в своей, как называли ее соседи, космической хижине совсем одна. Ее дом был по настоящему удивительным местом! Стоит вам войти в него, как сразу начинает казаться, что вы попали в живой хаотично движущийся механизм. Все дело было в сотнях металлических маятников, которыми были заставлены полупустые комнатки. Конические, цилиндрические, спиралевидные, сферические и каплевидные - маятники были здесь любой формы и размера. Даже ночником у Селены служил маятник - полусфера с бледно светящейся сердцевинкой.

Ежесекундно пространство комнат разрезалось щелчками и цокотом. Селена любила этот упорядоченный гомон.

Лицо ведьмы почти всегда имело равнодушное выражение, а в глубоких темно-серых глазах блестели непроницаемые звезды.

Звезды и свой телескоп она любила, пожалуй, даже больше, чем маятники.

Сегодня на плечах Селены лежала большая ответственность. В последнее летнее полнолуние в Ведьмовской Пуще вершится шабаш. Ведьма должна была следить за полнотой луны.

Весь день остальные колдуньи пребывали в полной сумятице и предпраздничном волнении, завершая двухнедельную подготовку. Теперь, когда солнце почти скрылось за горизонтом, и в небе стал проглядываться сливочный, словно мороженое, шарик Луны, все попрятались в своих хижинках, прибираясь, и отдыхая перед важным ночным событием.

Чуть заспанная, с взлохмаченными короткими волосами, звездная ведьма забралась на подоконник с ногами и, поедая кедровые орешки, упрямо смотрела в небо. Телескоп ей понадобится позднее, а сейчас она думала о Высоком.

Высокое

Каждая жизнь, приходящая в этот мир, очень амбициозна.

Каждая жизнь уверена, что в ее силах изменить мир: сдвинуть горы, заставить черепаху бежать быстрее гепарда, а слонов летать, дождю лить только, когда все дома, а людей любить друг друга.

Но каково было разочарование, постигшее эту новую жизнь, когда горы остались на своих прежних местах, черепаха продолжила медленно ползти сквозь века, слон не смог оторвать четырех ног от земли одновременно, а люди снова взяли в руки оружие...

На этом моменте Высокое прерывается, так как спрыгнувшая с дерева на подоконник белка украла шесть орешков, а еще две дюжины затолкала за обе свои наглые щеки.

Селена разозлилась, спрыгнула с подоконника, и протерев линзу на телескопе, заглянула в него. До шабаша оставалось меньше часа.

Ведьма натянула поверх пижамных панталончиков синий балахон. Затем прилизала водой свою короткую челку, усадив поверх нее непослушную шляпу, с которой постоянно находилась в ссоре. Наконец, села на метлу и вылетела в окно.

Шляпа, недовольная тем, что ее потревожили, щипала Селену за уши и ворчала до тех пор, пока ведьма не переступила порог дома Филомелы. Там она не решалась показывать свой характер, потому что хозяйка «Тыквенной головы» знала управу на расшалившуюся домашнюю утварь.

— Пора, - входя, объявила Селена.

— Что, уже? – Филомела растерянно посмотрела по сторонам и зачем-то еще туже затянула свой фартук.

— У вас не более получаса. Я полечу, предупрежу тех, кого успею, а ты посылай ворон, - донеслись до Фи́лы отголоски уже убежавшей и вспрыгнувшей на метлу Селены.

— Постой же! Куда ты так быстро? В этом вся ты, Селена, только пришла и уже стремительным вихрем вылетела в окно. Наш мир и правда слишком мал и медлителен для тебя... - Филомела сказала это, задумчиво, зная, что ведьма ее уже не услышит, и глубоко вздохнув, с грустной улыбкой стала собираться.

Ночной воздух звенел от носящихся в нем сотен самых разнообразных метел. Полная луна высоко стояла в небе, озаряя лес своим холодным светом. Со всех уголков Земли в Ведьмовскую Пушу слетались ведьмы в праздничных шляпах, расшитых золотыми нитками, и увитых цветами,

в бархатных мантиях и меховых накидках, в остроносых мягких сапожках, взбудораженные долгим полетом меж сырых облаков.

Резко пикировав, ведьмы садились на залитую светом физалисов просторную лесную поляну, где их уже ждали жители Ведьмовской Пущи, суетливо устраняя последние недостатки приготовлений.

А на реке, тем временем, Каппа, маленький болотный демон, нетерпеливо носилась по камышовым зарослям, то ныряя на дно, то выбираясь на скользкий бережок. Она чувствовала волнение реки, которое передалось и ей самой.

Река своим течением несла несколько быстроходных лодочек. Впрочем, стоит сказать, что это были не просто лодки, а целые плавучие дома. На борту каждого стояли будки с навесным тентом, закрывающим внутренность от дождя и ветра. В этих будках приплывшие ведьмы хранили самое дорогое – свои несметные сокровища. Там были золото, книги заклинаний, рунические камни, шляпы, коротенькие метелки, котелки, жаровни, мех, фарфоровые молочники, расписанные бледными птицами, весла, восточные подушки с бахромой, высушенная рыба на веревке – словом, бесконечный поток всякой всячины. Там же ведьмы спали, укрывались от непогоды, и заваривали горячий чай, пахнущий тиной.

Лодки, на чьих носах качались маслянистые фонари, пришвартовались у дощатого полузатопленного речного пирса. В погожие дни Каппа грелась там на солнышке, теперь же по нему ступали самые чудные ведьмы из тех, что видела болотная колдунья.

Это были самые настоящие пираты! Все пальцы их сверкали камнями множества колец. Это были не просто рубины и сапфиры, а настоящие магические тайны, запрятанные в перстни. Одежда на ведьмах была, словно на капусте листья: поверх матросских штанов или восточных шаровар – платья, на платьях – подъюбки и юбки, сверху – всевозможные рубашки и жилеты. Красивые шубки могли быть надеты поверх лохмотьев. А обувь здесь была самая разная: от грубых деревянных средневековых клomp до шелковых туфель.

Глаза ведьм горели неудержимым огнем путешествий по самым далеким и опасным землям, а орлиные носы придавали их лицам самый величественный вид. Шествие было по истине завораживающим! Каппа почти пищала от восторга.

О, какое это было пиршество! Столы ломились от яств. Здесь были и запеченные в костре овощи и картофель, маринованные грибы, сардины, которые наловила Каппа, хрустящие жареные цыплята, медовые лепешки, тыквенные каши, приправленные разными специями, арбузы в карамели, сахарные дыни, хваленые лунные пироги Филомелы, душистое миндально-

шафрановое печенье, имбирное пиво, еловые лимонады с розмарином, холодный кофе с мороженым, травяные чаи.

Везде было шумно, густо и весело. Огни китайских фонариков горели ярко и отбрасывали на опушку причудливые тени. Самые задорные ведьмы устраивали соревнования на метлах, носясь по округе с диким визгом, и срывая шляпы с тех, кто остался на земле. Не всем пришлось по вкусу такие выходки, поэтому время от времени на землю возвращались метлы, запряженные лягушками и хорьками.

Селена сидела с Молчуньей Лу высоко на дереве, свесив ноги. До них почти не долетал жар огня и аромат еды, лишь бледные их отголоски и дым. Им нравилось, что с такой высоты можно было разглядеть почти всю западную часть леса. Редкие птицы пролетали над верхушками столетних елей, с реки тянуло прохладой, и вдалеке – там, где чаща сливалась в одну тонкую синюю полосу – чернел зловещий и таинственный Великаний Ров.

Селена пыталась возобновить свои размышления о Высоком, но веселье, раскинутое внизу, на поляне, пляски и песни, были так беззаботны, что ведьмочке показалось, будто никакого Высокого вовсе нет. Есть только радостный крик, вибрирующие и будоражащие звуки бубна и бездонное небо! Она так воодушевилась своим неожиданным озарением, что весело толкнула Молчунью Лу в плечо и проговорила:

— Достаточно созерцаний, Лу! Бери свою метлу, скоро небо рассеется, и нас опалит свет огромной ледяной луны. Кто знает, какие чудеса нам предстоит еще увидеть? Полетим, куда глаза глядят и, может, уже никогда не вернемся сюда. А если и вернемся, то я чувствую, что это будем уже не мы.

Молчунья Лу отрицательно покачала головой.

— Что? Нет? Это же так просто. Я взываю к твоей природе, Лу. Я знаю, в твоих жилах течет совершенно иная кровь, чуждая этим насадкам с их огородами и пледами. Ты же – сама стихия. Растворись в облаках и обрушья на далекий континент ослепительной молнией! Почувствуй ветер свободы, что дует с запада уже вторую неделю.

Молчунья Лу обняла свои колени и стала еще угрюмей. Она поняла, что Селена уйдет, и ей было грустно расставаться с ней.

— Ты осуждаешь меня за беспечность? Что ж, я беспечна, потому что печься не о чем. Пекутся пироги, и я их за это очень уважаю. А ведьмам это категорически нельзя, – она было схватилась уже за метлу, собираясь сорваться на ней вниз, но Лу резко замахала руками, производя в воздухе невидимые знаки.

— Нет, Лу. Мне не нужно к Риоке. О моей душе позаботится она, - Селена ткнула пальцем в скрытую под облаками луну, - если я не прилечу на седьмой день восточных туманов, ищи меня на ней. Ты знаешь, где стоит мой телескоп. Протри линзу и взгляни. Быть может, я махну тебе рукой. А теперь прощай. Да поторопись на празднество, скоро начнется главная его часть!

Ведьма обхватила тонкими ножками метлу и прыгнула вниз с воплем радости. Ветер, резко подув, унес жидкие облака с диска луны и маленькое создание с горячим сердцем – ведьму Селену.

Вдруг открывшаяся Луна поставила все с ног на голову.

Что за странное событие – шабаш! Лес преобразился до неузнаваемости. Каждая веточка, каждая тень приобрела какую-то особенную заостренную форму. Воздух загустел. Черные лисы на задних лапах водили хороводы в лесных чащах и лакали, словно молоко, небесную синь.

Языки у всех стали шершавыми. Пахло свечами и космической радостью. Старухи залезали в свои сундуки и хитро хихикали, показывая всему миру «шиш» своими сухими кулачками.

Распущенные волосы ведьм опутывали рощу за рощей. Тропинки зазмеились реками. То там, то здесь, за кустами появлялись ехидные пророки с качающимися фонарями в руках.

Ведьмы с закрытыми глазами танцевали босыми ногами на еловых иглах, прыгали, как безумные, в огонь, а языки пламени лизали их пятки.

Каждая секунда ночи умирала с особенным настроением. И как чумные доктора не пытались вылечить их, они беспощадно выбирали быть навеки стертыми. Тогда врачеватели качали своими масочными лицами с длинными носами и начинали лечить друг друга.

Поляна перед трактиром была залита адским смехом, отражающимся жутким эхом в высоченных черных деревьях. Всюду гудели и дымились закопченные ведьмовские котлы. Тыквенные головы кричали и возмущались, требуя защиты своих прав. Они выскакивали на поляну с разных ее концов и уже были готовы провозгласить начало Великой Тыквенной Революции, дабы навсегда запретить всем вредителям вырезать из них смешные или страшные рожицы! Пухлые тыковки прыгали, разворачивая взявшиеся из ниоткуда транспаранты, на которых было написано: «Мы вам не личности, мы – еда! Съешьте нас». Какая-то из ведьм заметила нелепое шествие, ткнула локтем подругу, показывая пальцем на тыквенный митинг, и так громогласно рассмеялась, что в небо с деревьев взметнулись сотни черных ворон.

Это были минуты ликования демонических сердец. Казалось, что время перестало существовать. Прошлого никогда не было, будущее никогда не настанет. Миг замер в бесконечности. Просьба Фауста сбылась³.

Лес погряз в темной таинственной пучине. Из сырых колодцев доносились гулкие хлюпающие песни:

Хруст гербария
Гравий граблями
Снеги хрустальные
Мхами астральными
Расплескан небосклон
По тазам и ведрами
Бьет и кричит сова
Льдами холодными
С неба вода
Мурашками
Крадется Она...

Все смолкло. На мшистом пне оставили листок!

Рецепт приготовления Лунного пирога от ведьмы, что заправляет трактиром.

Совершенно неважно, из чего вы готовите свой пирог. Из ягод или фруктов, из овощей или рыбы, из радуги или собственных ботинок! Секрет Лунного пирога очень прост. Готовьте его на треногом табурете в своем дворе под луной и пойте веселенькую песенку! Я обычно пою такую: «Тра-та-та, тра-та-та, вышел демон без хвоста, без рогов и ножек с кучей медных ложек. Тра-та-та, тра-та-та вышел демон без ведра, без когтей и пяток потоптать нам грядок!»

³ Герой знаменитого произведения немецкого писателя Иоганна Вольфганга фон Гете «Фауст».

Глава 4
Осень в Ведьмовской Пуще.
Сказка ворона Эцура

*Все тот же Кот
И тот Олень
Решились в непогожий день
Открыть блокнот,
Налить компот
И рассказать тем,
Кто поймет,
Что осень странная пора,
Не меньших тайн она полна.*

Темная гладь реки была неподвижна и скучна. Ия пыталась расшевелить заснувшую речку камнями, что находила на берегу. Но, издавая глухое «бултых», вода снова затихала.

Оставив свои тщетные попытки, Ия уселась на поросший с северной стороны мхом камень, достала из-за пазухи гребенку с двумя отпавшими зубчиками и стала продираться через свою лохматую копну.

— Все-таки осень – ужасное время года, - проговорила ведьмочка и еще ожесточеннее дернула запутавшуюся в гребенке прядь.

— Ты не права. Осень восхитительна, но только для тех, кто умеет ценить тишину.

Это была Офелия. Она появилась внезапно, выйдя из-за тростника с корзинкой в руках.

— Позволь мне помочь тебе, - мягко обратилась она к Ие.

Ия протянула Офелии свою гребенку, которую ей, наконец, удалось высвободить из своих лохм, и хмуро отвернулась к реке.

— Это потом, - сказала Офелия и достала из корзинки стеклянную баночку с душистым маслом.

— И что же восхитительного в твоей осени? Постоянный ветрище! Я уже не знаю, что делать с этими волосами. От ветра они становятся еще хуже. А морозящий дождь, из-за которого невозможно высушить белье в саду? А птицы? Ты слышишь птиц? Они все улетели, оставив нам этот невыносимый скрип стволов.

Тем временем Офелия аккуратно смазала волосы Ии маслом и стала медленно прочесывать, вплетая в них необычные цветы с твердыми стеблями, держащими непослушную копну.

— Осень суха и безмолвна, - мелодично говорила Офелия, словно напевала песню, - я собираю увядающие травы и играю на флейте, пока не опадет последняя листва. А затем

наступает пора самой настоящей магии, - она мечтательно задумалась, но через мгновение очнулась и подала Ие руку, - пойдем ко мне в гости. Ты совсем продрогла здесь.

Ия спрыгнула с мохнатого камня, потрогала пальчиками свои заплетенные волосы и одобрительно кивнула.

Дом Офелии стоял совсем недалеко от реки, но идти пришлось долго. Сухая трава цеплялась за юбки ведьм, тропки поросли сорняком. Где-то вдалеке трещал дятел, и монотонный стук по дереву эхом разносился по всему лесу.

Холода уже и вправду были крепки. При дыхании из носа и рта вылетал бледный пар, оборачивающийся игривыми зайцами, что прыгали в воздухе несколько секунд и исчезали, сменяясь другими. Ия нарочно пускала зайцев, подгоняя их и хихикая. Нос и щеки ведьмочки порозовели, а ручки стали неметь. И только, когда Ия окончательно задрожала от холода, показался скрытый в золотой листве домишко Офелии.

Колдунья любила уединение, а потому ее хижину всегда было трудно отыскать. Зимой домик был укутан снегом и почти не отличался от высоких, окружающих его сугробов, а летом он таился в пышных зеленых сводах деревьев.

На крыше ржavo поскрипывал причудливый флюгер, в окнах виднелась рассада всевозможных комнатных цветов. Массивная деревянная дверь, тонко расписанная старинным цветочным орнаментом, невольно притягивала взор.

— Малышка, ты еще совсем юна и многого не знаешь, - Офелия поставила перед Ией жестяной раскаленный чайничек и зашелестела юбкой в кухню, - наступление холодов, оголяющиеся деревья, застывшая в лоханках черная вода, паутинки льда, карамелизующие реку, для тебя словно скука и сон. Теперь уж не походишь на реку удить рыбу, не наловишь сачком стрекоз, не лежишь на горячем золотом песочке, грея бока, не покачаешься в летнем мареве в гамаке! Но для меня осень – милая подруга, - Офелия водрузила на турецкий столик чашки с дымящимся чаем, что источал тонкий аромат жимолости, и пирожные с заварным кремом, - она дарит мне полные грибные полянки, а я ей красивую музыку своей флейты...

Вдруг в воздухе раздался скрипучий резкий звук скомканной бумаги. Ия в тревоге вздрогнула. Это оказался взмах крыльев смоляного ворона, взлетевшего на облупившийся подоконник.

— Не бойся его. Он древний, как этот мир. И очень мудрый! И уж, конечно, не такой сварливый, как Аристотель. Он знает тысячи замечательных сказок. Правда, милый? – обратилась к птице Офелия.

— Это несомненная правда, сударыня, – ответил ворон и чуть заметно поклонился.

— Ах, какой галантный! – Ия восторженно всплеснула руками.

— Как же мне не быть галантным, находясь в обществе столь прелестных особ, юная леди?

— Тогда, может, ты побалуешь нас интересными историями? Тебя не было двенадцать туманов, я считала! Перед каждым рассветом выходила к реке и ждала. А тебя все не было. Мое сердце сжималось от тоски. В какие края занесли тебя твои лихие крылья, Эцур? – Офелия рассыпала перед вороном горсть зерен и провела пальцем по его пышной лоснящейся грудке.

— Я был в совершенно невообразимых краях, о которых впору слагать песни и легенды. И я непременно стану тем менестрелем, что отдаст дань великой истории и великим событиям этой далекой страны, но сегодня, милые барышни, я расскажу вам дивную сказку о маленькой девочке, которая однажды станет грозным воином в борьбе за справедливость, и неизвестном принце, который случайно оказался на ее пути.

Офелия вздрогнула.

— Что такое? – спросила Ия.

— Холодает. Я надену шаль.

Эцур подождал, когда ведьмы усядутся в кресла, и начал свой рассказ. Голос его был красив и мелодичен. Слушать такого рассказчика, Ие показалось, одно удовольствие.

—Давным-давно в одном большом городе с широкими светлыми площадями и узкими темными улочками, красивыми каменными особняками и многоэтажными деревянными хибарами жила маленькая девочка, и звали ее Элизия. Столь прекрасное имя достойно было принцесс королевской семьи. Однако отдано оно было ребенку, рожденному под закопченными сводами приземистой хижины бедного сапожника-кожевника. Человек, подаривший ей это имя, почил в тот же день, с минуту подержав в руках маленький завернутый в простыни комочек. То была мать Элизии. Высушенная голодом и трудом молодая женщина.

Детство Элизии было тяжелым. С утра до вечера девочка хлопотала по хозяйству, готовила обед, выносила в сырой темный двор ведра с нечистотами и помогала отцу разносить по домам починенную им обувь и перчатки.

Лачуга самого мастера была одноэтажной, стесненной по бокам высокими кривыми, похожими на стволы сгоревших деревьев, домами. Между ними всегда были развешаны веревки, на которых сушилось белье, и каждый раз какому-нибудь прохожему на голову стекали капли.

Этот убогий кварталчик был полон стариками, детьми, собаками и теми, кто еще мог работать – людьми с навсегда отпечатанной усталостью на лицах.

Одним словом, жизнь представлялась Элизии унылой и страшной. Но все поменялось, как это обычно бывает, в один прекрасный день.

— Лизи, - позвал отец, - сходи-ка отнести эти перчатки господину К. с улицы Восточных цветов. Да будь аккуратнее с ними. Это очень дорогая вещь. Потеряешь или запачкаешь – и нам придет конец. Нам не хватит денег расплатиться с многоуважаемым господином К., даже если мы заложим наш дом. Ты все поняла? Да ты опять ворон считаешь, я смотрю?

— Нет, папа. Давай сюда эти перчатки. Я все сделаю, как ты сказал.

Элизия взяла красивую шкатулку, в которой покоились заветные перчатки, поцеловала отца в морщинистый лоб и выскочила на улицу.

— Двенадцатый дом, козочка! – крикнул отец ей вслед.

Стоит сказать, что настроение Элизии в этот день не было прекрасным. С самого утра она трудилась по дому и собиралась немного отдохнуть, как отец снова позвал ее. Теперь неся в своих тоненьких ручках эту тяжелую шкатулку, она думала только об одном, чтобы господин К. не оказался слишком уж сварлив, и не стал отчитывать ее за оставленные на шкатулке пятна от пальцев.

По дороге ее нагнали соседские девчонки. Растрепанные и с грязными пятками они слонялись каждый день по переулкам, придумывая всякие безобразия, и воруя белье с веревок, до которых могли дотянуться.

— Ты идешь к господину К.?, - все, как одна, удивленно уставились на нее, - ты, что, не знаешь, кто он такой?

— Не знаю. Очередной носитель дорогих перчаток, подозреваю! Сколько я таких уже видела!

— Дурочка! – одна из девчонок выбилась вперед, преграждая дорогу, - все знают, что он – вампир!

— Да! Да! И питается кровью маленьких девочек, - поддакнули остальные.

Элизия с сомнением посмотрела на них и продолжила свой путь.

— Подумай, зачем ему идти в эту часть города, когда там, где он живет, полно дорогих мастерских со светящимися витринами!

— Она все правильно говорит. Он узнал, что ты, маленькая девчонка, разносишь заказы отца, и теперь он выпьет твою кровь!

— Глупые! – бросила им Элизия, вырвалась вперед и свернула за угол.

Босые девчонки остались сзади и не пошли за ней. Только крикнули в след: «Мы помолимся о твоей душе!» и засмеялись.

На Элизию их слова произвели неизгладимое впечатление, хотя она отказывалась себе в этом признаться. Так или иначе, на улицу Восточных цветов девочка ступила порядком побледневшая от страшных рассказов подруг, которые рисовали в ее воображении ужасные картины. Она позвонила в колокольчик, стоя на пороге 12-го дома. Забегая вперед, мои прекрасные слушательницы, я скажу, что тогда она даже не подозревала, как сильно изменит ее жизнь этот каменный особнячок, стоящий на живописной улице Восточных цветов.

К сожалению, на звонок никто не ответил, и ей пришлось снова позвонить, а потом постучать и снова позвонить. Но никакого отклика не было. Она снова стучала и звонила, пока не свыклась с мыслью, что придется ждать возвращения хозяина.

Устав, наконец, держать тяжелую шкатулку, Элизия облокотилась спиной о входную дверь, чтобы немного отдохнуть, но тут же чуть не упала! Дверь не была заперта и открылась внутрь. «Как странно» - подумала девочка и зашла внутрь, озираясь по сторонам.

Ей открылся вид на великолепный холл с вазами, в которых стояли живые цветы, столиками из красного дерева, позолоченными подсвечниками на стенах, мягким расписным ковром. От красоты у Элизии перехватило дыхание. Ступая по темному лакированному дереву пола, ей казалось, что она попала во дворец. Всю ее маленькую жизнь, ей казалось, что внутреннее убранство дворцов выглядит именно так. И какое сильное потрясение испытает она однажды, когда действительно окажется в королевском дворце, и поймет, что роскошь дома королевской семьи не идет ни в какое сравнение с этим особнячком.

Ну, а пока ей казалось, что ничего красивее этого холла нет! Во внутренних комнатах стояли серванты, где под прозрачным стеклом обитали чудесные фарфоровые сервизы, причудливых витиеватых форм. Никакого намека на страшное логово вампира Элизия не находила. Разве что странные рамы на стенах, под стеклами которых хранились засушенные растения, которых девочка никогда в жизни не видела, вызывали в ней любопытство и чувство, похожее на страх.

Неожиданно напольные часы пробили три. Звук был такой громкий и внезапный, что Элизия выронила шкатулку из рук. Та с глухим стуком плюхнулась на ковер. Девочка нагнулась за ней.

— Юная барышня, имею ли я честь знать вас? – раздался грозный голос за спиной Элизии.

Девочка повернулась и оторопела. Перед ней стоял высокий, достающий головой до самого высокого шкафа в комнате, седовласый господин в белой маске, скрывающей половину его лица, и странными тонким ножичком в руке. «Сейчас он разрежет меня» - пронеслось в голове испуганной девочки.

— Я услышал шум с улицы. Вероятно, когда вы зашли, вы забыли закрыть дверь, - господин испытывающее смотрел на Элизию, проглотившую язык, - извольте объяснить все же, почему вы оказались в моей гостиной.

— Не пейте мою кровь, пожалуйста! Я принесла ваши перчатки. Вот они. Простите, что зашла. Я звонила и стучала, а дверь оказалась открытой...Только не убивайте меня! Я правда никому не скажу, что вы – вампир! – Элизия высказала это все за несколько секунд и разрыдалась.

— Милая, да о чем вы? С чего вы взяли, что я вампир?

— Если хотите, выпейте немного моей крови, а я к вам приду завтра, и вы выпьете еще немного, только не убивайте. Я буду ходить, сколько потребуется.

— Успокойтесь, барышня. Как вас зовут? Я не буду пить вашу кровь. В конце концов, у меня слабый желудок для такой пищи! Присядьте в кресло. Только успокойтесь. Шарлотта, принесите воды! – крикнул господин куда-то в коридор.

Когда девочка успокоилась, этому, кстати, поспособствовала подбегавшая с графином воды служанка Шарлотта, женщина с добрыми серыми глазами и теплыми ладонями, она рассказала все по порядку. И господин К. поспешил незамедлительно развеять ее подозрения.

— Я профессор ботаники, Элизия, а этот ножичек – мой инструмент для работы, а маска – защита от вредных спор растений. Простите, что напугал вас, юная леди. Я не подозревал, что оставил дверь открытой. Шарлотта меняла простыни в спальнях наверху, а я работал в ботанической лаборатории, своем кабинете.

— Если вы не охотитесь за кровью маленьких девочек, почему вы обратились к моему отцу? Эта мастерская так далеко от вашего дома.

— Видите ли, - профессор смутился, - я знаю, что в округе полно хороших мастерских, куда обращаются мои друзья и соседи, но то место, откуда вы родом, очень печально, а люди, живущие там, нуждаются в помощи. Именно поэтому, если мне что-то понадобится, я обращаюсь исключительно к мастерам и торговцам из вашего квартала, Элизия. Сейчас, смотря на работу вашего отца, я понимаю, что не прогадал, и он делает свое дело искусно.

Элизия последний раз всхлипнула, допила воду, оставшуюся на дне чашечки, и стала собираться, извиняясь и прощаясь. Господин К. и Шарлотта проводили девочку до двери. Она повернулась к ним еще раз.

— Простите, господин, я не поняла только одного.

— Спрашивайте.

— Что такое ботаника и ботаническая лаборатория?

— Ох, дитя! Лаборатория! Ботаника – величайшая из научных дисциплин, это царица наук! Неужели вам не преподают начальные азы в школе?

— Простите, господин, я не хожу в школу. У моего папы нет на это денег. Еще раз извините. До свидания!

Через несколько дней, когда Элизия, уже успокоившись от пережитого, доставала из погреба мешок с картофелем, чтобы приготовить обед, а ее отец монотонно стучал молоточком в мастерской, к ним в дом пришел господин К. и навсегда изменил жизнь девочки с королевским именем и некоролевским происхождением!

Элизия поступила на учебу к профессору К. Каждый день она ходила к нему, где вместе со сладкими булочками и горячим чаем, приносимые доброй заботливой Шарлоттой, грызла гранит многих наук. Математика, геометрия, физика, история, литература, грамматика – ничего из этого так не завладело ее разумом, как ботаника! В кабинете профессора, вдоль стен, высились огромные книжные шкафы с фолиантами, хранящими великие тайны загадочного и местами потустороннего мира растений.

— Это магия! – вскрикивала подчас девочка, наблюдая, как цветок, с наступлением рассвета, прямо на ее глазах поднимал вверх свою головку и раскрывал лепестки. Она не пожалела, что встала так рано и прибежала в дом профессора, чтобы посмотреть на это потрясающее действо.

Когда наступило лето, профессор со своей ученицей отправлялись с самого утра собирать образцы. Места, в которые они уходили почти на целый день, были совершенно разные. Близлежащие леса, засеянные и дикие поля, речные берега с песчаными дюнами – каждый раз что-то новое. Собранные травы и цветы бережно высушивались, если того требовала научная цель, или наоборот отмокали в холодной воде, прикреплялись иголками к деревянным или бумажным рабочим поверхностям, изучались с помощью причудливой системы линз. Затем Элизия записывала то, что диктовал ей профессор в толстую, переплетенную кожей, тетрадь, зарисовывала образец, что получалось у нее особенно хорошо, благодаря тонким пальчикам, и складывала образцы в шкатулку для гербария.

В один из погожих деньков профессор повел свою ученицу в Королевский Университет, в котором служил преподавателем. Он посадил ее рядом с кафедрой, за которой читал лекцию студентам, и велел внимательно слушать. Тринадцатилетняя девочка сосредоточенно выполняла указания своего наставника и записывала каждое его слово в свою тетрадь. Несмотря на то, что ей было ужасно интересно слушать лектора, она не могла не замечать насмешливые взгляды сидящих в аудитории юношей. Десятки глаз были устремлены не на преподавателя, а на нее.

Кто-то толкал в бок своего соседа и показывал на нее пальцем, предлагая другу посмеяться над чем-то, кто-то корчил ей страшную гримасу, а кто-то и вовсе смотрел так озлобленно, что по коже Элизии пробегали мурашки.

По окончании лекции, профессор К. сообщил Элизии, что вынужден отлучиться по одному важному делу к ректору, приказав ждать его в аудитории. Но стоило профессору выйти за дверь, как на девочку налетели студенты.

— Ну и замарашка! Ты, что, служанка профессора К.? – крикнул один.

— Да, носит его носовые платки, вот он и берет ее везде, - вторил ему другой.

— Что ты там записываешь? Ты писать-то хоть умеешь?

— Что эта девчонка забыла здесь? Я думал, это приличное место, - выступив вперед, сказал студент с озлобленным лицом.

— Довольно! – донеслось откуда-то из конца аудитории.

Все мигом замолчали и расступились. К толпе подошел юноша с черными, как смоль, волосами и такими же глазами. Элизия заметила, что он был ниже ростом и худощавее всех остальных, но никто не осмелился ему перечить. Лица у всех студентов стали серьезными и даже испуганными.

— Чарли, тебе ли подтрунивать над этой барышней, когда ты сам ежедневно прогуливаешься в городском саду с семьей своими младшими сестрами? Тот веночек из одуванчиков, который я видел на тебе вчера, очень тебе к лицу.

Все громогласно рассмеялись, а студент с озлобленным лицом, которого, как узнала Элизия, звали Чарли, стал землисто-черного цвета.

Только маленький черноволосый юноша был серьезен и суров.

— Подите все прочь, - сказал он.

Эти слова подействовали на всех, словно кнут. Через секунду аудитория оказалась пустой. В ней остались только Элизия, да неизвестный мальчик с непроницаемо черными глазами.

— Прошу вас простить моих товарищей. Только что они выпрыгнули из объятий домашних нянек и учителей, а делают вид, будто владеют учеными степенями. Они не сильно вас напугали?

— Вовсе нет. Такие могут пугать, разве что свое отражение в зеркале.

Элизия испугалась дерзости, которую нечаянно обронила и покраснела. Юноша улыбнулся и взял тетрадь Элизии.

— Вы позволите?

Девочка не успела ничего ответить, действия этого мальчика были настолько властными, что спорить с ним, казалось, невозможным.

— Я вижу, вы увлечены ботаникой, но по мне, это скучная наука, ни в какое сравнение не идущее с астрономией.

Элизия почувствовала себя оскорбленной.

— А вы знаете, что мириады цветов, раскинутых по нашему огромному миру, подобны звездам? Человечеству не хватит и тысячи лет, чтобы обнаружить все виды. Вот насколько велико царство растений!

Юноша пронзительно посмотрел своими глазами-пропастями на Элизию. Где-то внутри себя она ощутила странное чувство, похожее на страх, но такое горячее и сильное, что невольно задохнулась им.

— Все эти ваши мириады видов не стоят и частицы одного цветка, о котором, готов поклясться, вы никогда не слышали.

Сердце Элизии забилося чаще. Что за неведомый цветок, о котором говорит этот странный, будто помешанный, мальчик?

Он наклонился близко, почти к самому лицу девочки и страстным шепотом проговорил:

— В августе, в час, когда тени на земле пропадут, в чаще лесной, за семью озерами, раскроет свои лепестки на несколько мгновений, пока предметы снова не начнут отбрасывать тень, самый редкий и страшный цветок на Земле – Черный Фуруд. Счастливец, что сорвет его в эти секунды, обретет бессмертие и подарит нетленность тому, с кем захочет разделить эту вечность.

У Элизии закружилась голова от услышанного. Ей вдруг почудилось, что глаза юноши сами стали, как две сердцевинки этого черного страшного цветка. Вдруг в аудиторию вошел профессор К. Мальчик уважительно поклонился Элизии, профессору и исчез за дверью.

С того дня Элизия поклялась себе, что обязательно найдет этот цветок.

Шло время. Профессор не мог нарадоваться успехам своей ученицы. И лишь одно волновало его. Он заметил в Элизии особенную страсть к ядовитым растениям. Пугающим блеском загорались глаза девочки, когда они приступали к изучению древнейших цветов, источающих разные ядовитые соки.

— Этот белесый сок на поверхности очень опасен, Элизия. Ты должна соблюдать осторожность. Он вызывает мгновенную и вечную слепоту.

— Но он такой красивый! – заворожено отвечала девочка.

— Красота ядовитого цветка – ловушка для всех, кто соблазнится ею.

— Но профессор, неужели можно так просто взять и ослепить человека, преподнеся ему этот цветок?

Профессор нахмурился. Он был недоволен и встревожен, что разговор зашел в такое русло.

— Элизия, в древности родился закон: яд – оружие слабых. Только подлецы прибегают к нему. Честный и храбрый воин смотрит открыто в глаза своему врагу. И атакует, и защищается не исподтишка, а лицом к лицу.

Элизия прикусила нижнюю губку, а потом вскочила на ноги и вскрикнула:

— Да разве существует честность, профессор, когда столько людей умирают от голода, изнурительного труда, холодов в своих сырых лачугах и болезней? Честно, когда одни хлеб сеют, а другие его отнимают? Честно, когда мой папа, исхудавший и больной, трудится день и ночь, едва зарабатывая на пропитание, а все эти люди, приносящие обувь, даже не доплачивают ему того, что он честно заработал? Кидают эти монетки, словно подаяние, а не плату за его труд! Честно ли умерла моя мама, профессор?

Профессор испугался, побледнел и не смог вымолвить слова. И Элизия, сама не зная, что на нее нашло, выбежала вон из дома профессора.

Спустя время ученица и учитель примирились. Девочка слезно просила прощения, профессор К. напускал на себя суровый вид, хотя в глубине души, конечно, уже давно простил Элизию, ведь за эти годы она стала ему, словно родная дочурка, которой у него никогда не было. Шарлотта гладила Элизию по головке и предлагала ей пирожных. Наконец, все вернулось на круги своя.

Так прошли годы. Из маленькой несмышленной девочки Элизия превратилась во взрослую девушку, которая под чутким преподаванием профессора, заметно постаревшего со дня их первой встречи, уже могла заткнуть за пояс своими знаниями и умениями любого старшего студента Королевского Университета.

К сожалению, стоит упомянуть, милые мои слушательницы, что отец Элизии почил, не застав ее совершеннолетия. Девушка долго еще стояла в слезах подле отца на смертном одре, на котором семнадцать лет назад заснула вечным сном супруга бедного сапожника-кожевника, а теперь и он сам.

Мастерскую закрыли и отобрали городские власти, пришедшие через несколько дней после смерти отца Элизии. Оставшись совсем одна с корзинкой в руках, в которой лежали ее пожитки и несколько книг, девушка стояла посреди темного переулочка, а торговка из соседней лавки ругала ее на чем свет стоит за то, что она распугала своим видом всех покупателей.

«Апчихи!»

— Ия, да ты заболела! У тебя горячий лоб, ледяные руки и глаза сонные. Надо было сразу уводить тебя от реки. Осенью там очень холодные ветра.

— Офелия, я честно-честно не заболела, пускай Эцур рассказывает, что было дальше. Мне так интересно!

— Никаких рассказов на сегодня. А еще ведьма называется, не может даже предугадать, когда у нее начнется насморк. А ведь это самое простое в колдовстве. Тебе еще учиться и учиться. Переходи-ка в кресло у камина, а я разожгу его. Тебе надо согреться.

Офелия устроила маленькую ведьмочку в кресле, накрыла пледом, разожгла камин и ушла в кухню.

— Эцур, помоги мне, я не дотянусь до верхней полки. Мне нужна душица.

Ворон одним взмахом крыльев поднялся к полке, где стояли десятки разных баночек и флакончиков с сухими растениями и приправами.

— Благодарю, - сказала Офелия, когда Эцур протянул ей в клюве веточку сиреневатых цветов.

— Ия, а теперь слушай и учись, как приготовить отвар от всех простуд!

Офелия вдруг достала свою тоненькую флейту и стала наигрывать мелодию. Травки на столе сами стали прыгать и собираться в кучки, срывать с себя лепестки и падать в ступку, где пестик, пританцовывая, будто в такт музыке, стал их толочь. Когда растения превратились в душистую кашицу, ведьма спрятала флейту и стала напевать заклинания над ступкой:

*Мелисса, эвкалипт, ромашка,
Душица, можжевельник и полынь,
Ныряйте быстро в эту чашку!
Уйди, простуда, сгинь!*

*Немного магии добавить,
Совсем щепотку волшебства
И желтым имбирем приправить.
Теперь болезнь побеждена!*

— Держи! – Офелия протянула Ие теплый ароматный отвар и села рядом.

— С вашего позволения, я все же продолжу свой рассказ. Не люблю оставлять сказки неоконченными.

Ия радостно кивнула и стала жадно пить отвар.

— Поскольку юная барышня заболела, я не стану напрягать ее рыжую головку обстоятельным и подробным рассказом о последующих тяжелых событиях в жизни Элизии. Те времена и правда были темными, даже жестокими. Посему хочу прибегнуть к слогу более витиеватому и образному. Оставим до поры нашу бедную осиротевшую девушку и перейдем к вещам более масштабным.

Страна, в которой жила Элизия и все, кого она знала, была великой державой! Каждый ее гражданин являлся лишь маленьким винтиком в громадной машине. Как вы уже поняли, несомненно, в этой стране были люди нуждающиеся, живущие более, чем скромно, но вместе с тем, как это часто бывает, на верхушке этого общества находились и люди совершенно иного рода. Люди знатные и богатые. Целые семейства, проживающие свою жизнь в роскоши и довольстве. Стоит ли злиться на таких людей, ругать их и обвинять в несправедливости? Я не берусь ответить на этот вопрос, потому что устройство общества – сложная наука. К тому же то, что человек богат, никогда не являлось свидетельством скудности его души. В этой стране жило большое множество порядочных семейств, которые помогали беднякам, опекали их и заботились о стариках и осиротевших детях. Но были и люди злые, погрязшие в скупости и корысти, в жажде неограниченной власти.

И царствовало над всем этим сложным неоднородным бурлящим потоком королевское семейство, многие десятки лет передающее корону от отца к сыну. Но кроме короля, королевы и их законных престолонаследников – детей – существовала целая паутина побочных веток могучего семейного древа. Десятки наследных принцев и принцесс, двоюродных братьев и сестер, племянников и племянниц, а также всевозможные завистливые и властолюбивые родственники короля и королевы – каждый со своей стороны. Разобраться в этой кутерьме невероятно сложно. Порой казалось, что и сами члены королевской семьи забыли, кто кому и кем приходится. Из всего сказанного следует одно – борьба за власть и трон была нескончаемой и невероятно жестокой.

В этих подпольных сражениях за власть члены огромного семейства не всегда приходили к порядочным и честным методам. Речь пойдет, милые слушательницы, об убийствах! Причем об убийствах самого подлого вида. Всякого рода наемники-головорезы были в ходу у людей, которые не скупились золотом ради достижения своих целей. И каждый из наемников изгалялся в своем грязном мастерстве только бы получить больше выгодной работы.

Так или иначе, но королевская стража и советники не дремлют. Они ищут и находят подлецов, сажая их в темницы, и отправляя на гильотины. И проворачивать свои дела темным властолюбцам из королевского окружения все сложнее.

Теперь я хотел бы вернуться к Элизии. Что стало с нашей героиней, с которой я начал свой рассказ? Девушка нашла работу подмастерья у аптекаря. Это был тучный низенький старик с блестящим влажным ртом и огромными очками, из-за которых выглядывали черные злые глазки. Увидев Элизию на пороге своей аптеки, он сначала смерил ее презрительным взглядом, а потом наотрез отказался брать ее на работу.

— Я ищу способного образованного юношу, а не поломойку, если вы не заметили этого в объявлении.

— Я и не пришла на должность поломойки. Я могу быть фармацевтом.

Тучный аптекарь рассмеялся хлюпающим смехом, но все-таки устроил для девушки экзамен, который она блестяще прошла. Это привело его в замешательство, хотя он был доволен, ведь за те же знания, которые ему предложил бы любой студент университета, он может платить меньше, потому что Элизия – женщина.

— Ну хорошо, милочка, я дам вам угол и эту работу, но на большее не рассчитывайте. И запомните: у меня приличная лавка. Допустите хоть одну ошибку – живо вылетите.

Элизии ничего не оставалось, как принять строгие правила господина аптекаря.

Профессор К., узнав о бедах своей ученицы, незамедлительно предложил ей свою помощь, от которой Элизия отказалась. Она и так была многим обязана своему учителю с великодушным благородным сердцем. Несмотря на упрямый отказ, профессор частенько заходил в аптекарскую лавку, приносил Элизии книги, которые она не могла себе позволить, сладости, которые готовила постаревшая Шарлотта, и дорогие красивые ткани.

— Душенька моя, непременно сшейте себе платье на осень. Посмотрите, как играет этот бархат. Порадуйте бедного старика. В захудалой аптеке так сыро, вам нужно теплее одеваться, – так говорил профессор, усаживаясь на стул в комнатке Элизии и опираясь на черную трость.

— Я правда вам очень благодарна, дорогой учитель, но право, не стоило. У меня всего хватает. Расскажите лучше, как ваши ноги? Вам по-прежнему тяжело ходить? Я приготовлю вам хорошую мазь.

Профессор и правда стал сдавать в последняя время.

Вечерами, после тяжелого трудового дня, который Элизия выстаивала на ногах, то забегая в кладовую, то возвращаясь обратно, уставшая и сонная, она поила чаем пришедшего проведать ее профессора и долго-долго беседовала о последних научных достижениях и загадках волшебной ботаники.

Элизия сушила гербарии, добывала экстракты из всевозможных растений, толкла порошки, делала эссенции, сыворотки, эмульсии, яды. Советовала покупателям ту или иную

настойку, в зависимости от того, на что жаловался больной. Показывала, как перевязывать раны, и какие травы останавливают кровотечение.

Особенно часто в лавку стали захаживать молодые дамы. Мастерство Элизии по изготовлению косметических эссенций очень привлекало их. У девушки получалось чутко угадывать, что было нужно посетительнице, потому предложенный флакончик сразу одобрялся, а золотые монеты летели на прилавок.

Как-то раз, после полудня, когда на город напала сонная лень, а Элизия кропотливо работала над фиолетовым цветком расторопши, в лавку вошла дама в темной вуали. Она была одета в роскошное черное платье, шелковые перчатки, а в ее ушах красовались серьги из жирного перламутрового жемчуга. На них Элизия и обратила свое внимание. Как лучи солнца, сверкали эти вылизанные раковиной и морем песчинки. От них невозможно было оторвать взгляд!

— Об этой аптеке мне рассказала моя подруга. Она так хвалила работу фармацевта, что я захотела посмотреть на вас, - голос незнакомки был глубоким, грудным и завораживающим, - не каждый день встретишь женщину за такой работой.

— Благодарю вас, госпожа.

— Отчего вам не выглядеть поприличнее?

Элизия опешила.

— Серое, вымазанное в масле платье, застиранный фартук. Не стыдно вам принимать почтенных особ в таком виде? Ах, узнаю этот взгляд. Постоянное ожидание милостыни и страх не получить ее. Вы из бедняцкого района. Теперь мне все ясно.

— Могу вас заверить, что ни на какую милостыню я не рассчитываю, госпожа. Если вы не собираетесь ничего покупать, я вынуждена вернуться к своей работе.

Незнакомка рассмеялась, обнажив два ряда белоснежных зубов. За вуалью было трудно разглядеть лицо. Но Элизию пробирал страх, когда она замечала глаза этой странной женщины. Два, пристально разглядывающих ее, блестящих черных жука.

— Мы еще встретимся, запомни мои слова. Я не тот человек, как тебе могло показаться. А теперь дай мне фиалку и кое-что еще.

Элизия вручила покупательнице граненный флакон с бледной жидкостью — эссенцию фиалки.

— В цветочных лавках такого не продают, поэтому я здесь. Мне нужны фиолетовые цветы, но не те, над которыми ты работаешь. Мне нужны ядовитые цветы, в красоте и невинности которых невозможно усомниться.

Элизию взволновала эта просьба. Яды часто используют в хозяйственных и медицинских целях. Она прекрасно знала это. Но, как правило, яды покупают уже в готовом виде. Элизию разрывали сомнения. Эта дама произвела на нее гнетущее впечатление, она оскорбила ее, ранила, задев ее детство, людей, с которыми Элизия выросла... Может, действительно отдать ей ядовитый цветок, может, он нужен ей самой...

Это была очень нехорошая мысль, и она оказалась для девушки роковой. Надев рабочие перчатки, она достала из-под прилавка тоненький букетик безумно красивых фиолетовых цветов, тщательно обернула в бумагу, чтобы ни один лепесток не выглядывал наружу, и вручила покупательнице.

— Аконит. Одно из ядовитейших растений. Часто путают с люпином. И эта ошибка многим стоит жизни. Дотронетесь до стебля или листьев – вас почти невозможно будет спасти. Мгновенное удушье. 15 золотых, пожалуйста, – Элизия сказала это с вызовом, сама ужасаясь тому удовольствию, которое ей доставило, взявшееся из неизведанных темных недр ее души, чувство превосходства.

Незнакомка улыбнулась, расплатилась и уложила свертки.

— Ты еще не догадываешься, насколько мы с тобой похожи. Я никогда не бросаю слов на ветер. Мы еще встретимся, – промолвила напоследок незнакомка и ушла, забрав с собой свет своих серег и какую-то важную часть нашей героини.

Аконит. Так погибла первая жертва Элизии.

Глава 5

Сказка ворона Эцура. Продолжение Отречение от королевского имени

— Я вижу озадаченность на твоём лице, Ия, поэтому вынужден пояснить. Нет, погибла не незнакомка, а человек, для которого был куплен тот смертельный букет. Покупательница оказалась очень властной и жестокой особой. То была сестра королевы.

Кажется, я напугал вас, милая барышня. Простите меня. Впредь я буду более чуток и не стану рассказывать страшных подробностей. Закутайтесь-ка получше в плед. Начинается самая мрачная часть истории.

Прошли годы. Лавка аптекаря давно закрыта. Наша героиня живет в доме на улице Восточных цветов, доставшемся ей в наследство от господина К.

В пасмурный день, когда старик мирно умирал в своей постели, его окружали две женщины. Верная, прослужившая всю свою жизнь профессору, горничная Шарлотта и его ученица, ставшая почти дочерью, превратившаяся однажды из маленькой девочки с черными пятками и растрепанными волосами в настоящую красавицу со спрятанными охровыми глазами под пушистыми ресницами. Это был последний день, когда Элизия проронила слезы. Больше она никогда не плакала.

Темный рассвет. На столике лежит зеркало. Тонкая бледная рука – рука настоящего музыканта или даже художника – поднимает его. Лицо, отражающееся в зеркале, лунного оттенка. На щеках лежат глубокие тени. По лбу змеится тонкая изящная морщинка. Ах, какое прекрасное зеркало! Рукоятка его из чистого золота, как и многое другое в этой комнате. Ничто не нарушает мертвый покой. Тяжелые портьеры скрывают синеву утра, поседевший бархат мебели серебрится своей вечной пылью. Отражение в зеркале поправляет пышный букет в вазе. Берет несколько писем со стола и сжигает их на медном подносе. Еще раз скользит взглядом по рукоятке зеркала и исчезает из роскошной темной комнаты, словно туман.

С первыми лучами солнца слуги и стража поднимают тревогу. Убит бургомистр.

Болотный вех. Так погибла одиннадцатая жертва Элизии.

Одиннадцатая жертва. Что же стало с нашей бедной сиротой, любительницей прекрасной науки – ботаники, искательницей ответов на загаданные ей самой природой загадки? Вы все

правильно поняли, мои очаровательные слушательницы, Элизия стала отравительницей. Но не бросайтесь ругать ее и порицать. Человеческая душа подобна айсбергу: чужому взору доступна лишь малая ее часть. Кто знает, что этой маленькой девочке, выросшей в бедняцком квартале, было предначертано судьбой, какую роль она должна была сыграть в истории своего королевства, в истории нашего мира...

Вы скажете, что душа ее всегда была на перепутье двух дорог: дороги праведной и неправедной, темной, пагубной. А я отвечу вам, что не существует праведных и неправедных дорог. Есть лишь та, которую вы избрали. И она избрала свою. Это был путь борьбы за справедливость, за то, что считала справедливостью она сама. Это тоже очень важно понять, милые барышни.

И все же я не оправдываю ее. Я лишь старый ворон, что разносит по свету песни и сказания. А суд – на плечах моих слушателей.

Элизия вновь встретила с таинственной незнакомкой, которая однажды пришла в аптекарскую лавку, и, проговорив до ночи о добре и о зле, о бедняках и тех, кто ими правит, нашла свой путь.

— Ты встревожена, дитя? – говорила Элизии дама со всегда спрятанным под вуалью лицом, – мне знакомо это чувство, но ты не должна сомневаться в себе. Ты – художница. Твои руки созданы для искусства. Твори искусство, твори магию. Цветы этого мира склоняют свои пыльцовые головки перед тобой. Ты – их королева. А я настоящая правительница этого гниющего в коррупции и пороке королевства. Мы с тобой – соратницы. Когда я взойду на трон, больше не будет слез и страданий. Ни один житель столицы и окрестных городов не проронит слезинки. И тогда история сложит о нас великую легенду. Легенду о двух королевах: царства людей и царства природы.

Как самозабвенно говорила эта женщина! Как горяча она была в своем стремлении добраться до короны! Вдохновила ли она этими речами Элизию? Сказать с уверенностью нельзя. Она лишь стала ключом к одной из замочных скважин сердца нашей героини, в котором скрывалась могущественная, неизвестная доселе сила. И Элизия позволила ей выпустить эту силу.

Свидания их были просты. Сестра королевы доставала из ажурного рукава листок бумаги с именем. Элизия молча прятала его к себе. И с этого момента договор считался заключенным.

Имени, конечно, не было достаточно. Девушке приходилось, что она делала не без некоторого удовольствия, проводить целое расследование о жизни будущей жертвы. Распорядок дня, привычки, места, в которых этот человек обычно бывал, время, когда в доме гасили свет,

книги, которые он читал, кличка его пса или попугая. Элизия и вправду, словно художница, рисовала портрет своей жертвы, а затем начинала колдовать. Собирала по ночам цветы, сушила их на чердаке, добавляла ядовитые экстракты во флаконы духов, готовила пряные ядовитые специи. Для каждой ее цели – отдельное оружие.

Но самой главной чертой ее таланта была незаметность. Словно призрак она врывается в комнаты обреченных, совершала свой ритуал и так же невидимкой исчезала с места преступления.

В столице непойманного убийцу прозвали Ветром Смерти. И Элизия самодовольно улыбалась, слушая городские страшные байки о ней самой.

С каждой новой жертвой Ветер Смерти превращался в легенду. Мальчишки мечтали в будущем стать такими же неуловимыми призрачными убийцами, они слонялись, разодетые в лохмотья по улицам и кривлялись, старухи набожно и испуганно взмахивали руками, городская стража стояла на ушах, предпринимая тщетные попытки разыскать врага, а королевская семья была встревожена общественными волнениями и настроениями.

Как-то раз, одним летним вечером, шел Ветер Смерти по рыночному кварталу в самых меланхоличных мыслях. Повсюду бродили зеваки, торговцы зазывали их в свои лавки, чумные доктора кричали о пользе кровопускания на каждом углу. Квартал был по вечернему оживлен, и пряный дым летал в воздухе.

Неожиданно Элизия остановилась напротив одной из витрин. Она ярко подсвечивалась огнями восковых свечей, и в этом мареве жара и дыма, в черном футляре, обитым золотым шелком, лежала молочная, подобно цвету слоновой кости, чудная флейта. Элизия вечность, длинную в мгновение, смотрела на этот инструмент, а потом бросилась к мешочку с золотом, который был привязан у нее на поясе. Он был тяжел от монет. Сестра королевы щедро платила Элизии за ее искусство.

— Я покупаю ее, - взволнованно сказала она и бросила все золото продавцу.

Тот, растерявшись от щедрости неизвестной покупательницы, поскорее передал ей заветный футляр.

«С тобой я пойду на поиски Черного Фуруда. Сегодня. Незамедлительно.» - подумала Элизия и скрылась в рыночной толпе.

Ее путешествию не суждено было случиться сегодня. Не успела Элизия отойти от лавки, как в ее руках оказался скомканный лист бумаги. Мужское имя. Адрес. Элизия повела глазами в поиске человека, который вручил ей это, но никого не увидела. Подобное уже происходило с

ней, потому она не была удивлена. Огорчившись, что флейту на сегодня придется отложить, Элизия снова стала Ветром Смерти.

Увитый плющом особняк стоит между площадью Славы и гребнем Западного моста. Расположение его великолепно. По утрам в открытые окна комнат струится свежий речной воздух вперемишку с ароматом высаженного внизу сада. Церкви и колокольни стоят в соседнем квартале, поэтому хозяин не вскакивает с постели, как ошпаренный, от колокольного звона. Он, скорее, мирно просыпается и сладко потягивается от приглушенной расстоянием божьей песни. Комнаты и залы особняка, словно соревнуются в своем великолепии друг с другом. Слуги, в белоснежных чепцах и натертых кломпах, ежедневно выдраивают каждый уголок хозяйского убранства. Ценит ли он их труд?

Пробила полночь. Хозяин приказывает закрыть все окна в доме. Дует сильный ветер. Слуги беспрекословно выполняют его приказ.

Белоснежная постель. Он лежит, тяжело вздыхая и кряхтя. Сегодня его опять мучает бессонница.

— Чертовы собаки! Почему они вечно воют на улицах?!

Ему жарко спать в комнате с закрытыми окнами, ему холодно, когда в них дует ветер. Лакей то и дело забегают в хозяйскую спальню, чтобы открыть или закрыть ставни.

— Ты открываешь слишком широко, болван. Хочешь, чтобы меня продуло? Все в этом доме хотят моей смерти.

Это его любимые слова.

Постель разогрета. Ноги вечно путаются в пододеяльнике. Как найти удобное положение? Голова гудит. Как же ему хочется заснуть.

— Катись к черту, старый идиот! – кричит он зашедшему проведать его лакею, - вон!

Лакей уходит. Хозяин снова кричит из спальни:

— Вернись, болван! Скажи Матильде, пускай принесет мне чаю с молоком. Да чтобы не горячего! Теплого. И только пусть Матильда несет, ты понял меня?

Лакей удаляется.

Снаружи скрипнула калитка. То ли ветер, то ли соседская кошка, то ли просто показалось.

К хозяину идет Матильда. В руках ее поднос. На подносе фарфоровые чайник и чашка. На лице Матильды слезы.

Не плачь, Матильда. Для своего сыночка ты самая лучшая мама. Он мирно спит в каморке для слуг возле кухни. Сон его охраняют ангелы. О, не плачь, Матильда, хоть твои ангелы тебя и покинули...

По дому ползет сквозняк. Паутинками струится по полу. Ледяной и зловещий. Что предвещает эта ветреная ночь? О чем воют демоны в каминных дымоходах?

Гром! Разбит фарфор. Катится по полу белая чашка, на ней эмалевая нимфа играет на арфе. О, нимфа, почему твоя арфа беззвучна?

Матильда кричит. Матильда плачет. Бежит из комнаты. Бежит к сыну просить защиты у его ангелов.

Как зол и сварлив хозяин!

Сквозняк подобрался к его спальне. Свечи в коридоре вдруг резко погасли. Дверь приоткрылась. Сквозняк или кошка?

Поднос. На подносе фарфоровые чайник и чашка. На лице – ни слезинки.

— Кто это? Почему так темно? Я ничего не вижу! Все в этом доме хотят моей смерти.

Хозяин свиреп, но вдруг слышит позвякивание посуды на подносе.

— А, это ты. Решила все-таки попросить у своего хозяина прощения? Неблагодарная! И за все мое хорошее отношение к тебе ты платишь мне рассеченной щекой?

Ах, как саднит рана на обрюзгшей щеке. Ах, как больно хозяину.

— Дай мне чаю, дура.

Эмалевая нимфа беззвучно играет. Ее мир наклонился.

«Кха!» - выдыхает довольный хозяин от теплого чая.

— Что ты все молчишь? Стыдно тебе? Ты у меня за все ответишь...

Боль на корне языка. Какая жгучая, какая невыносимая. Боль слева, под ребрами. Что это? Как вздохнуть?

Схватился за горло, за сердце. Сжимает рукой. Это не поможет. Голос слабеет. Пальцы наливаются кровью.

— Завтра твои слуги проснутся с облегчением, - молвит сквозняк.

Мысли хаотично мелькают в голове. Кто это? Что за голос? Ответа не будет.

Темнота.

Клещевина. Так погибла двенадцатая жертва Элизии.

Теперь Элизия целыми днями играла на флейте и обдумывала свое путешествие за Черным Фурудом. Июль подошел к концу. Наступал август, а это значило, что в полдень каждого дня этого месяца в дремучей чаще леса будет раскрывать свои лепестки самый могущественный и неизведанный наукой цветок.

Элизия помнила юношу, что поведал ей эту невероятную историю. Она помнила его пропасти-глаза. И несмотря на все ее научные знания, эти глаза навсегда заставили ее поверить в существовании Черного Фуруда.

Три недели, просыпаясь на рассвете, Элизия собирала саквояж профессора и отправлялась в лес, что окружал этот город многие века. Путь ее был не близок и тернист. Жара, комарье, дальняя дорога – все сводило девушку с ума. Без сил возвращалась она глубоко за полночь в дом на улице Восточных цветов, но не ложилась спать, а изучала огромную библиотеку своего учителя, пытаясь разузнать хотя бы немного об этом загадочном цветке. Когда глаза ее все-таки слипались, она падала на кушетку прямо в библиотеке и засыпала болезненным сном. Ей снился юноша маленького роста, худой и слабый, на первый взгляд. Но, как только он начинал говорить, все окружающие люди мгновенно покорялись силе его слов, его взгляда, и еще какого-то странного пугающего обаяния, которое Элизия испытала на себе.

Она знала, что в тот день, в аудитории Королевского Университета, безвозвратно влюбилась в эту тьму, таившуюся в нем.

Оставались считанные дни до конца лета. Элизия потеряла всякую надежду. Она отчаянно хотела найти этот цветок, будучи молодой, чтобы застыть в этом образе навечно. Но время было против нее. За окном проявлялись первые признаки осени. А в лесу она смогла найти только четыре озера, да и те были слишком далеко расположены друг от друга. Найти нужное направление представлялось невозможным.

Однажды в ее дверь постучали. Это была *она*, как всегда укутанная дымкой вуали.

— Ты слышишь, что происходит в городе? Вот-вот случится переворот! Я так взволнована. Да что с тобой? Ты как дикарка. Не выходила из дома целый месяц? Вот глупая. У нас все получилось. Армия взбунтовалась. Целые полки переходят на сторону моих людей. У дворца скоро останется лишь одна королевская гвардия. Против наших сил это ничто! К тому же, я уже запустила туда нескольких своих человек. Я уверена, что предложенное мной золото все решит, и мы обойдемся без кровопролития. Отчего ты смеешься? Тебя насмешили мои слова? Бог с этим. Я пришла к тебе с очередным заданием, если ты понимаешь, о чем я. Держи, - она протянула Элизии листок, - на этот раз у тебя не будет времени. Завязано слишком много человек. Нужно быстро. Ты поняла? Прощай.

Дама-вуаль исчезла. Элизия раскрыла листок. Очередное имя. Но что это? Принц? Новая цель – наследный принц!

Времени оказалось очень мало. У Элизии нет никаких сведений о нем. У нее даже нет быстросействующих ядов. С поисками цветка она совсем забыла запастись. Но ничего не остается. Она прогуливается по вечерним столичным улицам и снова оборачивается Ветром Смерти.

— Ты всегда выигрываешь у меня в шахматы! – маленькая девочка, похожая на куклу, надувает от обиды губы.

— Прости, сестра, но это оттого, что я уже большой, а ты еще совсем малютка. Я уверен, что с моей школой, когда вырастешь, ты победишь любого. Даже своего учителя арифметики.

Кукла улыбается, но потом вспоминает, что она обижена, и снова надувает губы, хотя веселое сияние уже не сходит с ее лица.

В камине пылает огонь. За окном – сумерки. Шахматная доска, оставленная игроками, выглядит одиноко. Кони и ладьи укладываются спать. Белая королева сурово взирает на черную соперницу. Кто из них уснет первой?

В комнату входят нянечки и гувернантка. Окружают куклу щебетаньем и пытаются увести ее со словами: «Попросите у отца благословение на ночь. Его величество ждет вас у себя». Кукла вырывается из их тесного круга, подбегает к брату, дергает его за полу черного одеяния, чтобы он наклонился. Брат послушно становится на одно колено. Кукла звонко чмокает его в лоб, с секунду раздумывает и крепко обнимает, обхватив тонкую шею принца своими ручками.

— Завтра я непременно выиграю, - шепчет на ухо и убегает, сопровождаемая свитой из вздыхающих розовощеких нянек.

Комната пустеет. Принц остается один. Он подходит к окну. Как жаль, что отсюда не видно соборной площади и рынка! Толпы народа. Крики. Улюлюканья. Веселый гвалт по ночам у трактиров. Нет ничего. Лишь выстриженный сад и тенистые аллеи – во весь обзор. Однако принц знает: если приглядеться, вдалеке можно различить тонкие струйки дыма. Это в порту жгут контрабанду. Когда дует ветер, до дворца долетает запах безжалостно сжигаемых стражами пряностей, привезенных из далеких земель.

Принц хотел бы быть пиратом. Одноглазым. Суровым. Пиратом в рубахе, пропахшей ромом и солью. Бороздить моря и океаны. Смотреть на этот город со своего судна,

пришвартованного в порту. Не знать ни дворцов, ни распоряжков дня, ни визитов, ни вымученных разговоров, ни благословений на ночь. Только бы убежать, уплыть, улететь... В далекие страны, где у каждого берега выслана дорога из прогнившего, одурманивающего своим запахом, дерева.

Он по-прежнему стоит у окна, неотрывно смотря на столбики дыма. Духи специй летят к своим богам в небеса. Стекло окна запотевает от дыхания принца, заставляя его обратить внимание на свое отражение. Две черных планеты и лес смоляных волос. Знакомое до боли лицо. Как пошла бы ему треуголка!

Он открывает окно, впуская вечерний ветер, и дышит так глубоко, словно пытается сохранить этот воздух в своих тонких грудных сосудах. Голова начинает кружиться. От ветра пламя в камине становится тише, освещая теперь только маленький круг на ковре перед собой.

— Ваше Высочество, отчего Вы грустны? – спрашивает мелодичный незнакомый голос за спиной.

Отворачиваться от окна вовсе не хочется.

— Я живу жизнь чужого мне человека.

Какую смелость он позволил себе! Неужели так действует ветер?

— Вы смотрите в сторону моря. Я знаю, о чем Вы думаете. Хотите, я расскажу Вам, что происходит на запретной для Вас территории?

— Кто Вы?

— Вы можете обернуться и посмотреть.

— Нет. Говорите так. Я слушаю.

Невозможно оторвать взгляд от окна.

— Капитан быстроходного корабля «Седой меридиан» прибыл нынче вечером в столичный порт. У него много имен. Но здесь его все знают, как Медовую Бороду!

У принца от восторга немеют пальцы. Он улыбается. Но рассказчик этого не видит.

— Почему Медовая Борода?

— Существует много версий. По одной из них, он много лет перевозил и продавал медовуху. По другой, что его волосы на голове и лице такого насыщенного янтарного оттенка, что ужасно похожи на мед. Так или иначе, это имя пиратское, а с пиратами власти дела не ведут. Редко кто осмеливается приплыть в столичный порт, да еще и с грузом украденного золота!

— Золота? Я думал, в нашем мире пираты не охотятся за золотом.

— Так и есть, Ваше Высочество. Красть золото – скучная добыча. Куда важнее для пирата золото заработать. А для этого украсть можно уже все, что захочется. Медовая Борода привез золото востока. Дюжину пудов редчайшей пряности.

— Это ее сжигают?

— Да. Капитан собирался продать ее втридорога на столичном черном рынке, но теперь он сидит на пристани и курит трубку. Его глаза полны немой скорби.

— Представляю его разочарование! Но почему эти специи такие особенные?

— Взгляните сами, Ваше Высочество.

Голос протянул две ладони к принцу, в них высилась маленькая горка золотистого песка. Принц не глядя на того, кто простер к нему руки, припал к этим белоснежным ладоням, пытаясь уловить аромат.

— Нет! – крикнул голос в отчаянии и оборвал руки, рассыпав золото востока по коврику, но было уже поздно.

На Элизию смотрел юноша из профессорской аудитории. Эти необъятной глубины глаза! От мальчика не осталось и следа. Он был высок и статен. И отравлен.

Город тих. Уже несколько дней все придворные врачи борются за жизнь принца – единственного наследника престола. Дворец объят преждевременным трауром. Слуги ступают бесшумно. На их лицах – невыразимая печаль. Фрейлины королевы подбирают черные ткани для траурных нарядов и прячут их, стоит Ее Величеству появиться в их покоях. Каждый, кто видел бледное лицо умирающего, понимает, что дни принца сочтены. Сломленные духом король и королева не замечают готовящегося в столице переворота. А что происходит в душе отравителя – не описать словами.

Вернувшись домой, Элизия заламывает себе руки, мечется в отчаянии и сокрушается. Если бы у нее было больше времени, она бы знала, кого ей предстоит отравить, и ни за что бы этого не сделала. Он – один из немногих, кто не побрезговал общением с ней, простолюдинкой из бедняцкого квартала. Как в свое время профессор, принц протянул ей руку помощи. А она даже не знала, с кем говорила тогда, будучи глупой девчонкой! Если он погибнет, вся ее борьба потеряет смысл.

С мокрым от слез лицом, сидя на полу, Элизия засыпает в библиотеке, положив свою голову на кушетку. Ей снятся страшные сны: бедные родители, прикованные цепями к своей нищенской лачуге. Отец чинит сапог, мать, свободной от оков рукой, надраивает полы. Освещает это жуткое действо холодный луч лунного света, который бьет в окно. Он разгорается все ярче и

ярче, пока не начинает слепить глаза. Девушка просыпается. В окно ее комнаты с мирно спящими древними фолиантами светит луна. Один косой серебряный луч падает на дальний книжный шкаф, на самую верхнюю полку, заметно выделяя темно-коричневый том.

Элизия приставляет лесенку и вскарабкивается по ней на самый верх. Книга, на которую указывал свет, оказывается очень старой и пыльной. Протирая рукавом обложку, девушка читает ее название: «Тысяча и одно ведьмовское растение. Справочник для юной колдуньи». Неужели профессор держал в своей научной библиотеке этот шуточный томик? Кто мог такое написать? Но никаких упоминаний автора ни снаружи, ни внутри книги девушка не находит.

Открыв алфавитный указатель в конце, как уже привыкла делать с другими книгами, пока искала сведения о Черном Фуруде, Элизия замирает. Вот она – заветная надпись.

Черный Фуруд или Цветок Бессмертия, 763

Пролистав до нужной страницы, девушка жадно впивается в текст. Все то же, что и сказал ей однажды принц, те же рекомендации, тот же путь. Элизия готова вот-вот расплакаться от неудачи, но замечает приписку на латыни.

*Найти цветение Фуруда
Сможет тот,
Кто без корысти
Гонится за вечной жизнью...*

Так на горизонте заблестела для Элизии маленькая надежда на спасение возлюбленного.

— Что же случилось потом, милый Эцур? Она нашла цветок? – Ия в ужасном волнении не могла усидеть в кресле, а потому постоянно вскакивала, когда события принимали неожиданный поворот.

— Да, Ия. Еще до рассвета Элизия отправилась в лес, чтобы ровно в полдень, когда тени исчезнут, обнаружить цветок. Пройдя семь лесных озер, совершенно выбившись из сил, она добрела до полянки, на которую, словно через сито, спускались солнечные лучи сквозь листву высоких и древних деревьев. Повсюду прыгали солнечные зайцы, и в самом центре их веселой пляски тянулся к свету совсем непримечательный цветок. Лишь угольно-черные лепестки выделяли его среди других лесных растений.

Элизия сорвала цветок, и золотистыми струйками пробежала по ее жилам совершенно необъяснимая сила. Кожа девушки приобрела какую-то особую бархатистость. А в сердце

задремал свет, схожий с тем, что можно наблюдать на рассвете в теплые весенние деньки. Словно нежное и тепло солнце, обогревающее своими первыми лучами промерзшую с зимы землю, рассеяло мрак в душе девушки.

Она бережно спрятала цветок в рукав платья и отправилась во дворец.

Тяжелые шторы в комнате больного были опущены. На столике в изголовье стояла банка с пиявками. Врачи, закончив свои изнурительные процедуры, удалились. Королеву, которая проплакала целую ночь возле постели сына, придворные уговорили пойти отдохнуть. Комната была пуста. Только старая нянька-кормилица, взрастившая принца своим молоком, свесив тяжелую голову на грудь, посапывала в углу.

Горничная, пришедшая взбить подушку, впустила с собой свежий воздух из коридора, который разбавил удушливый запах болезни. Принц, находящийся который день в беспамятстве, вдруг ощутил этот прилив и глубоко вздохнул, чем ужасно напугал служанку, отчего та поспешила вон из комнаты.

Прохладная рука коснулась головы умирающего. Удивительно, но это вернуло принцу сознание. Он открыл глаза и увидел ее, девушку из аудитории Королевского Университета.

Со страхом Элизия смотрела на бедного юношу. Она боялась его ненависти, порицания. Но не увидела ничего из этого в его темных глазах. Они выражали одно лишь спокойствие и ожидание, будто бы он знал, что она придет, и надеялся на это.

— Могу ли я просить Вашего прощения? — чуть слышно молвила Элизия, и голос ее дрогнул.

Принц не мог ей ответить. В нем не осталось сил. Яд иссушил его. Но все же он опустил глаза, отбросив тень ресниц на свое изможденное лицо, и снова поднял их. Так, глазами, он сказал, что простил ее.

Элизия проронила первую за многие годы слезу и спросила снова:

— А могу я просить Вас разделить со мной вечность?

На этих словах она достала из рукава цветок, что сорвала сегодня в лесу, когда солнце стояло в зените, и вложила его в исхудавшую руку больного.

Принц в изумлении посмотрел на нее. Он не мог поверить, что Элизия нашла Черный Фуруд. По его венам пробежали золотые змейки. В лицо вернулась жизнь. Темные круги под глазами исчезли. Он снова стал похож на человека, как вдруг по всему телу юноши проступили черные лоснящиеся перья, на лице появился клюв, а руки превратились в крылья. Через мгновение, едва успев опомниться, Элизия смотрела уже на своего возлюбленного в обличье

черной птицы. Одни лишь глаза напоминали ей, что это – он. Они были по-прежнему непроницаемые, блестящие и темные.

Так произошло возмездие, мои слушательницы. Ее любовь навеки стала вороном. А она – навеки прикована к нему своим чувством.

Оставив дворец, они ушли из города. Долгие годы скитались и искали себе пристанище. И обрели его в далеком от родного края лесу, куда приходили все страждущие души. Лес, где ветер так резв, что играть на флейте – настоящее удовольствие, а река так тиха, что, плывя на спине в один летний знойный день, Элизия навсегда отреклась от своего имени, и, прозавшись Офелией, обрела свое скромное счастье.

Вечерело. Ия, совершенно поправившаяся благодаря волшебному отвару, шлепала домой по лужам, что оставил недавно прошедший дождь. Зайцы на гольфах прыгали в разные стороны в попытках увернуться от грязных брызг. А звездочка на конце шляпы еле заметно светилась сиреневым.

В голове маленькой ведьмы было очень много мыслей. Но все они сводились к тому, что Ия еще больше проникалась любовью к Ведьмовской Пуще. Это место и правда дарило дом всем потерявшим и ищущим. А ничего важнее чувства, что у тебя есть место, куда можно возвратиться после долгих и даже страшных приключений, нет.

Каждая ведьма обрела здесь себя. Для некоторых этот лес – только временное пристанище на пути к чему-то большому и великому, для других же – нет большего счастья, чем покачиваться в кресле-качалке на своей веранде или вязать для черных домашних коз шерстяные свитера, или пить горячий горьковатый кофе в трактире, болтая с соседками и покуривая длинную трубку, или плести чудесные цветочные венки, готовясь ко дню летнего солнцестояния.

*Хочется выразить особую благодарность девочке с красными волосами по имени Ника
за помощь в вычитке и редактировании текста!
Дашь свободу красным пандам!*